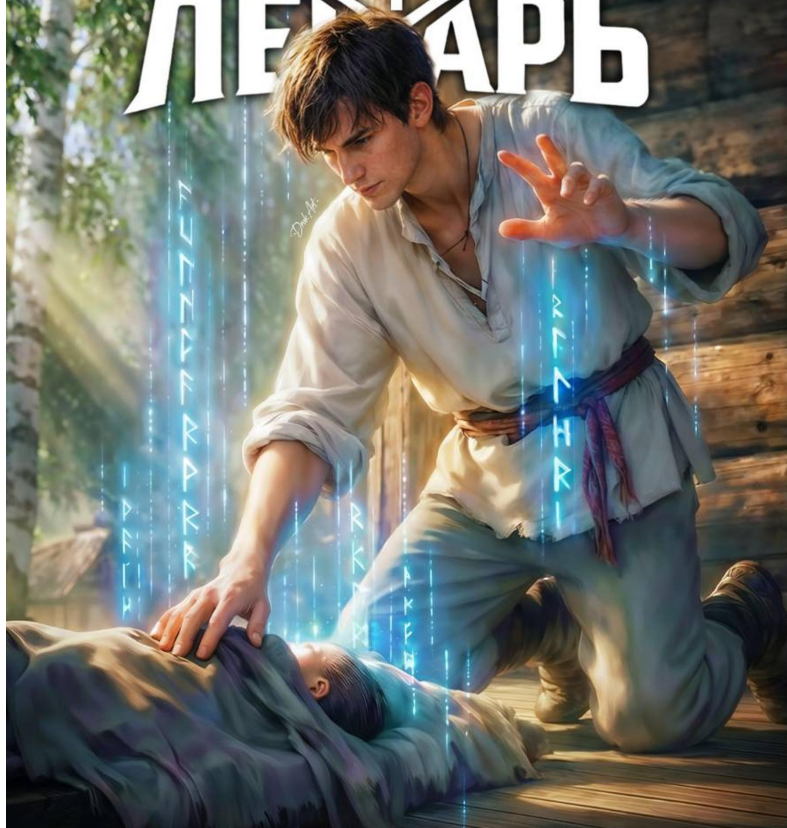

ВОЛЬНЫМ 1 ЛЕЧАРЬ

УЧЕНИК

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

**Егор Золотарев
Сергей Карелин**

Вольный лекарь. Ученик. Том 1

Серия «Вольный лекарь», книга 1

<https://litres.ru/73541362>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я был руномагом и пожертвовал жизнью, чтобы спасти империю от вторжения. Но смерть обернулась вторым шансом - я очнулся в теле сироты, которого приютил лекарь.

Магической энергии во мне почти нет, лекарь держит за безвольного раба, "одаривая" побоями и наказывая голодом. Но всё изменится, ведь я по-прежнему руномаг Аскольд и знания древнего рода Рунописцев всё ещё со мной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	54
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Егор Золотарев, Сергей Карелин Вольный лекарь. Ученик. Том 1

Глава 1

Я вглядывался в плотные ряды наших врагов сквозь пелену дыма, пыли и искрящейся магии. Их было много, очень много. Напасть без предупреждения — так делают только трусы, но я не пропущу их через границу, чего бы мне это ни стоило.

Поднял правую руку, которая загорелась синим огнем — энергией, подчиненной моей воле. Пальцы будто сами начали быстро и четко рисовать в воздухе сложную, многослойную руну: линии, дуги, острые углы и спирали переплетались, образуя замысловатый узор. Каждый штрих лишал меня энергии и силы. Я знал, что это рискованно, учитывая, что битва идет уже второй день, а у меня не было возможности отдохнуть и восстановиться. Поэтому для создания этой разрушительной руны «Погибели» я тратил свои жизненные силы, свои непрожитые годы, свое будущее, но меня это не

останавливало. Я не могу пропустить зло через границу. Никогда.

Руна росла, пульсируя холодным голубым сиянием. Зловещим сиянием. Я терпеливо наносил все новые и новые узоры, наполняя руну силой и мощью. Когда все будет готово, в округе не останется ни одного живого существа. Погибнет все, до чего доберется разрушительная волна. И я в том числе.

Когда осталось нанести последний штрих, я невольно замер. В душе возникло сомнение. Но я его тут же отринул. Все мои воины мертвы, подмога доберется нескоро. Здесь только я и целая армия кровожадных ублюдков, которые принесут горе и смерть на мою землю, а я этого допустить не могу.

Выдохнув, я провел пальцем и замкнул круг. В ту же секунду руна вспыхнула ослепительным светом. Воздух сжался, притягиваясь к центру символа, и вдруг раздался оглушительный взрыв. Волна магической энергии с грохотом ринулась в разные стороны, разрывая каменные стены крепости и сметая врагов, словно пушинок. За секунду до того, как сам разлетелся на части, ведь у меня не осталось сил, чтобы создать защитный купол, я улыбнулся и помахал рукой погибающим врагам. Горите в аду, ублюдки. А-ха-ха-ха!

Покой и эйфория продлились недолго. Я едва смог ощутить невероятное облегчение и свободу, которые принесла

мне смерть, как вдруг блаженное безмолвие сменилось болью. Словно я вновь очутился в живом теле. Теле, которое мучительно болело. Очень неприятное чувство.

Не успел я ничего осознать и разобраться с тем, что происходит, как сзади послышались тяжелые шаги и сопение.

— Вставай, хватит дрыхнуть, — раздался грубый мужской голос, резкий толчок в плечо, а следом — звон стекла, будто пнули пустую бутылку. — А это что такое? Ты откуда это взял? Отвечай, а то в бараний рог сверну!

От следующего удара я полетел на пол и больно ударился затылком и локтем. Какого дьявола он себе позволяет?! Руночерть его забери!

Я хотел вскочить и отвесить крепкую затрещину негодяю, но смог лишь с большим трудом продрать глаза. Сквозь мутную пелену увидел над собой мужчину. На темном, обветренном лице светились злые, глубоко посаженные глаза.

— Че вытаращился?! Откуда это, спрашиваю?

Он пихнул мне в лицо какой-то бутылек, от которого разносился резкий, обжигающий нос запах.

— Не знаю, — с трудом выдавил я.

— У-у-у, прибыю, если что-нибудь еще тронешь! — мужик потряс передо мной кулаком и, разогнувшись, пихнул ногой. — Иди, печь топи, лентяй. Только и думаешь, как бы увильнуть от работы.

Он развернулся, прошел по скрипучим половым доскам до двери и вышел на улицу. Я же до сих пор не мог понять,

что происходит. Неужели я выжил и меня приютил какой-то отшельник, или...

Тут я привстал и, оглядев себя, понял, что я — это все не я: небольшая ладонь, тонкие запястья, худощавое тело и ни одной руны на белой, тонкой, почти прозрачной коже. Только синяки, много разноцветных синяков.

Фух-х-х, это все сон или галлюцинация. Этого быть не может. Мне всего лишь нужно восстановиться, и тогда я приду в себя и все пойму.

Привычным движением хотел нарисовать на себе руну «Исцеления», но сколько бы ни водил пальцем по ладони, ничего не появлялось. Та-а-ак, нужно успокоиться и нарисовать что-то попроще. Возможно, после руны «Погибели» во мне еще очень мало энергии. Надо воспользоваться руной, на которую у меня хватит сил. Например, нарисовать руну «Бодрости». Она одна из самых слабых моих рун.

Я снова провел пальцем по ладони. Видимая только мне голубая линия осталась на коже. Неплохо, получается, что мой дар при мне, а значит, я смогу себе помочь. Нарисовал еще несколько штрихов, и руна вспыхнула. В то же мгновение по телу пробежала теплая волна. Боль, что пылала внутри, немного поутихла, сердце стало стучать ровнее, а в руках и ногах появились силы. Немного, но все же лучше, чем ничего.

Только сейчас я смог сесть и осмотреться. Полутьму разгонял лишь небольшой огонек свечи на столе и посветлев-

шее небо в мутном окне. Я находился в старом бревенчатом доме. В дальнем углу слева от меня находилась большая печь с черными разводами от сажи и потрескавшейся глиной на боках. Напротив — стол со свечой и две скамьи. В дальнем правом углу — полки с бутылками и небольшой стол с высоким стулом. В голове вдруг возникла навязчивая мысль: «Туда нельзя подходить. Нельзя ничего трогать. Нельзя даже смотреть. Иначе плохо будет». Это были явно не мои мысли.

Схватившись за лежанку, с которой меня выбросил тот грубый мужик, я поднялся на ноги и еще раз окинул взглядом свое тело. Затем провел руками по лицу, волосам, потрогал уши, распахнул грязную рубашку и шумно выдохнул. От увиденного стало тошно. Мне не показалось, я больше не Аскольд из рода Рунописцев, а худой нескладный юноша с большими ушами и густыми нечесаными волосами.

Последнее, что я помнил — яркая вспышка руны, и все. Однако в голове роились сумбурные видения, обрывочные фразы, шум, топот копыт и еще много всего разного.

Схватившись за волосы, я со стоном сел на лежанку и попытался сосредоточиться, но память будто взбунтовалась, посылая все новые и новые виденья. Они явно принадлежали не мне, ведь я не узнавал ни места, ни людей, ни события.

В это время дверь со скрипом распахнулась, и в проеме возникла фигура того самого мужчины. Хотелось встать и врезать в отместку за грубое обращение, но тело плохо слушалось, поэтому я лишь приподнял голову и наблюдал за

ним.

— Вот же безнадежный тупица! — воскликнул он и всплеснул руками. — Я же велел тебе печь растопить! Какого лешего до сих пор ничего не сделал?

— Я... не могу, — выдохнул я, по-прежнему чувствуя сильную усталость и тупую, ноющую боль внутри.

— Ух, малохольный, — мужчина быстро подошел ко мне и уже поднял руку, чтобы снова ударить, но вдруг всмотрелся в мое лицо и еще сильнее помрачнел. — Боком вышел тебе корень Золотого шара. Говорил же тебе, ничего не трогать, остолоп! Подохнешь скоро, если не почишься.

Он быстро подошел к бочке, что стояла у печи, набрал полный ковш воды, накапал туда пару капель какого-то средства, сунул ковш мне в руки и велел:

— Иди на улицу и прополощи желудок. Шевелись!

Мужик грубо поднял меня на ноги и подтолкнул в сторону двери. Я понимал, что сейчас не в том состоянии, чтобы разбираться с этим грубияном, поэтому послушно зашагал к двери, стараясь не расплескать воду.

Когда вышел на улицу, увидел черные силуэты таких же бревенчатых домов и высоченный лес, опоясывающий всю деревню. Руночерть вас заберите! Похоже, я даже не в своем мире. У нас нет таких лесов.

Тут в животе громко забурлило, и меня скрутила резкая боль. Ощущение, будто саблей полоснули по внутренностям. Жаль, что руно «Исцеления» не могу сотворить. Энергии на

нее нет. Придется послушать мужика и выпить воду... Пока снова не помер.

С трудом разогнувшись, начал пить большими глотками воду со странным привкусом. Как только сделал последний глоток, меня вырвало. Желудок был пустой, поэтому вышла лишь вода с кровавыми прожилками, но стало заметно лучше: нутро больше не выворачивало и не скручивало, а боль почти прошла.

Еще раз оглядев неизвестную мне деревню, высоченные, еще голые деревья, остатки снега меж стволов и светлеющее небо, я вернулся в дом, весь дрожа от холода.

— Ну что, легче стало? — бросил через плечо мужчина, перебирая коробки и бутылки на полках.

— Да, стало, — ответил звонким юношеским голосом, и самого передернуло от неожиданности. Я никак не мог привыкнуть, что теперь мой разум находится в чужом теле. Как это произошло и почему — неизвестно. С этим мне еще предстоит разобраться.

— Тогда почему печь до сих пор не затоплена?! — взвизгнул он и бросил на меня колющий взгляд, в котором не было ничего, кроме злости и презрения.

Ну что ж, печь так печь. Сейчас нет смысла заводить с ним разговоры и пытаться что-то выяснить. Лучше подчиниться.

Я подошел к печи, убрал полукруглую дверцу и заглянул внутрь черного жерла. Ничего не видно, только пахнет золой. Засунул внутрь три полешки, лежащие неподалеку на полу,

и понял, что для такой печи трех полешек явно мало.

Ноги сами вывели меня на улицу, обошли вокруг дома и привели к дровянику, в котором стояли аккуратные поленицы. Набрав полную охапку дров, вернулся в дом и продолжил складывать полешки таким образом, чтобы между ними была щель. Не знаю, откуда во мне эти знания, ведь я ни разу в жизни печи не топил. Бывало, костры разжигал с помощью рун, когда дозором обходил границу империи, но печь никогда не топил. Для такой грязной черновой работы в моем доме всегда были слуги.

Сложив в топку березовые поленья, взял с выступа на печи коробок спичек и первым делом поджег сухую кору. Та вспыхнула почти мгновенно. Аккуратно уложив ее между поленьев, принялся наблюдать за тем, как разгорается яркий трескучий огонь.

— Ну, чего ты там застыл? — подал голос мужчина. — Ставь котелок. Завтракать пора, а ты ходишь еле-еле душа в теле.

Снова тело начало двигаться быстрее, чем я думал, будто имело свой собственный разум. Вот я взял котелок, налил туда воды, насыпал крупы, посолил и, накрыв крышкой, засунул в печь и вернул на место дверцу. Я в первый раз был в этом доме, но будто знал, что где находится.

Я прислонился к боку печи, который вскоре начал теплеть. Мужичок продолжал возиться на полках, а я снова попытался вспомнить последние мгновения своей жизни.

Безликие возникли будто из ниоткуда и атаковали нашу заставу. Большая часть моих бойцов погибла сразу же от управляемой ядовитой паутины, которая залетела по воздуховоду в казармы. Остальные воины продержались всего несколько часов. Против целой армии магов, управляющих ядами, никому не выстоять. Я остался один на один с Безликими и отдал свою жизнь, создавая самую разрушительную руну из всех существующих. Я прекрасно понимал, что не смогу выжить, но лишь секунду колебался. Моя жизнь — ничто по сравнению с жизнями сотен тысяч людей, живущих в империи.

Дальше я помнил лишь лишь яркую вспышку, после которой я погрузился во тьму и очнулся в теле паренька. Ничего не понимаю.

Заглянув в печь, поправил обдающие жаром горящие поленья кочергой и приподнял крышку котелка. Вода уже пузырилась, значит, скоро закипит. Чуток прикрыв заслонку, чтобы жар не уходил впустую, плотно закрыл дверцу печи и вновь привалился к теплому боку. Все мои действия были машинальными, будто будто я уже выполнял все это много-много раз.

Вдруг в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, распахнули ее. На пороге появилась встревоженная женщина. Сначала она подслеповато уставилась на меня, затем перевела взгляд на мужика.

— Ерофей, Аннушка моя помирает! — закричала она. В

ее голосе слышалась паника.

— Что случилось? — спокойным голосом уточнил он.

— Мне-то откуда знать?! — женщина закрыла лицо руками и горько зарыдала.

Ерофей — так она назвала мужчину, — прихватил с полка несколько бутыльков, положил их в карман и, махнув мне рукой, двинулся к выходу. Я не знал, что он от меня хочет, но решил пойти, раз зовет.

На улице совсем посветлело, поэтому по пути я внимательно осматривался. Деревня оказалась гораздо больше, чем мне вначале показалось. Широкая проселочная дорога убегала вдаль, а небольшие одноэтажные дома выстроились по обе стороны от нее. Вокруг каждого дома — двор с огородами, скотными сараями и прочими хозяйственными постройками.

Впереди показалась лошадь, которая тащила за собой телегу с сеном. Возле нее шел старичок и, отмахиваясь от комаров и мошек, пел какую-то заунывную песню.

Поравнявшись с нами, он снял кепку и поклонился. Ерофей же лишь кивнул и продолжил идти с важным видом. Кто же он такой? И почему женщина прибежала к нему за помощью?

Вскоре мы дошли до нужного дома. Женщина, которая всю дорогу держалась и лишь изредка всхлипывала, вновь заревела и опрометью бросилась в дом. Мы зашли следом.

В дальней комнатке на деревянной кровати лежала девуш-

ка лет пятнадцать и часто дышала, держась за грудь. Взор у нее был затуманен, а рот приоткрыт.

— Вот она, — сквозь рыдания пояснила женщина. — С ночи на грудь жаловалась, а теперь и вовсе слегла.

Ерофей приблизился к кровати, прислушался к дыханию девушки, подержал ее слегка подрагивающую руку и, мельком взглянув на меня, велел:

— Иди, смотри.

— Куда смотреть? — не понял я, не двинувшись с места.

— На нее смотри, куда же еще? — грубо ответил он и смерил меня долгим злым взглядом.

Я не понимал, чего он хочет добиться и при чем здесь я, поэтому встал рядом с ним и принялся смотреть на девушку. Женщина и Ерофей молча наблюдали за мной. Какой смысл смотреть на умирающего человека? Что изменится? Вообще-то я руномаг, а не лекарь. К тому же довольно слабый руномаг, ведь магической энергии почти нет.

Я уже хотел выйти, потому что понятия не имел, чего они от меня добиваются, но вдруг что-то произошло с моими глазами. Все вокруг будто заволокло туманом, и ясно виделась лишь девушка, а у нее на груди — что-то черное и шевелящееся. Я чуть наклонился вперед, вглядываясь в непонятную черную субстанцию, как вдруг резко отпрянул и воскликнул:

— Клубок змей! У нее на сердце клубок змей!

Хотел смахнуть их, но вдруг взгляд стал прежним, а змеи

исчезли.

— Ты чего так разорался?! — прикрикнул на меня Ерофей и оттолкнул в сторону.

Я же не мог поверить в увиденное. Все казалось таким реальным, что на миг я засомневался в своей адекватности. Неужели галлюцинации? А чем они вызваны? И почему Ерофей хотел, чтобы я взглянул на девушку?

— Ольга, неси нож. Надо кровь ей пустить, — велел мужик, осматривая вены на сгибе локтя девушки.

Женщина пулей вылетела из комнаты и вскоре вернулась с большим, хорошо наточенным ножом и тазом. Мужик вытащил из кармана бутылек и полил острие лезвия изумрудной жидкостью. Затем сделал небольшой надрез на коже девушки, подложив под руку таз.

Темно-красная кровь закапала в таз, а Ерофей принялся что-то шептать, склонившись над девушкой. Я прислушался.

— ... смой боль, смой хворь, смой тоску-кручину. Как вода по земле уходит, так и болезнь уйдет...

Я уставился на девушку, и вдруг все вокруг снова изменилось, и я вновь увидел змей. На этот раз они двигались быстро и нервно, распахивая клыкастые пасти, будто кто-то тыкал их палкой. Что же это такое? Почему я вижу то, чего на самом деле нет?

Тем временем Ерофей перевязал рану куском ткани, который протянула женщина, и с кряхтеньем поднялся на ноги.

— Ну все, Ольга. Я сделал все, что мог. Сама знаешь, сер-

дечная болезнь плохо лечится.

Женщина потерла покрасневший нос уголком платка и протянула Ерофею сложенные купюры.

— Спасибо, что пришел и не отказал. Буду вымаливать грехи дочери. Может, духи сжалятся и не заберут ее, — с этими словами она вновь тихонько заскулила и с тревогой взглянула на неподвижно лежащую дочь.

Мы с Ерофеем вышли из дома. Он пересчитал деньги, довольно присвистнул и бодро зашагал вниз по дороге.

— За что ты взял деньги, если не помог ей? — подал я голос, ведь ясно видел клубок змей, который не то что не исчез, а наоборот, распалился и стал агрессивнее.

— Тебя забыл спросить, — хмыкнул он и через несколько секунд продолжил: — Заговор произнес, кровь пустил, что еще надо?

— Но ведь...

Я снова хотел возразить, но в это время все обрывки, эпизоды, голоса, что крутились в голове бесконечной каруселью, вдруг выстроились в цельную, единую картину. Я остановился как вкопанный и невидящим взглядом уставился перед собой. Теперь я все знаю...

Ерофей — единственный лекарь в этой деревне. Он из рода знахарей-шептунов, которые заговаривали болезни, изгоняя их из тела больного. Способности у Ерофея были, но довольно слабые. Он мог вылечить насморк, остановить кровь, ослабить кашель, изгнать чесотку и прочее. Но с серьезными

болезнями справиться не мог, поэтому лишь делал вид, что пытается помочь, хотя толку от его заговоров не было. Старался лишь ради заработка. Если больной после его заговоров выздоравливал, то Ерофей — молодец. А если умирал, то судьба такая, а против судьбы, как известно, не попрешь. На том и держалась его власть в деревне под названием Лесогорье.

Я же, то есть бывший владелец тела, был из рода лекарей-духоглядов, которые видели болезни в облике сущностей. Звали меня Степан Устинов. И я с малолетства — сирота.

Ерофей брал Степана к больным лишь для того, чтобы тот определял больное место, сам он не умел распознавать болезни. Если Степан видел сущность на печени, то Ерофей давал пить человеку настой из расторопши, но обязательно проводил свой обряд «шептания», чтобы уверить жителей, что без его заговоров настой бесполезен. Короче, врал напропалую.

Степана же он взял к себе еще совсем маленьким и все это время держал в ежовых рукавицах, подавляя его волю и делая из него послушного раба, который терпел насмешки, побои и пьяные выходки нерадивого лекаря.

— Чего застыл? Шевелись! — крикнул мне издали Ерофей.

Продолжительное выдохнув, я пошел по дороге, обходя пастуха со стадом коров и телеги с лошадьми.

Теперь я знал все про Степана, в тело которого попал. Даже то, что случилось с ним до того, как он умер, освободив для меня свое тело. Оказалось, что парень неоднократно просил Ерофея научить его быть «настоящим лекарем и лечить людей, а не только видеть чудовищ». Он так достал своими просьбами мужика, что тот взял и брякнул, что нужно выпить отжим из корня Золотого шара — ядовитого растения, сок которого применяется лишь для прижигания бородавок. Степан — святая простота, украл у Ерофея этот отжим и выпил. Отчего скончался, отравившись.

Одно остается неясным — почему я попал в его тело? Как это произошло?

Я догнал местного лекаря уже у крыльца. Мы вместе зашли в дом и почуяли неладное.

— Чем это так пахнет? Что горит? — Ерофей встревоженно огляделся.

Я же поспешил к печи и, натянув на кисть рукав рубашки, открыл дверцу печи. Горела каша.

— Тупица, ты чего котелок в самый огонь сунул?! Кашу варить разучился? Так я тебя сейчас научу! — Ерофей пошел на меня с явным намерением снова ударить, я же приготовился отразить удар.

Пусть я слаб, но в обиду больше себя не дам. Однако в это время дверь с грохотом распахнулась, и в дом влетел мужчина с женщиной на руках.

— Ерофей, Олесю клещ укусил!

В два шага он оказался перед нами и на трясущихся руках показал молодую женщину с посиневшими губами. Ее мелко трясло, из приоткрытого рта доносился протяжный стон. Она умирала.

Ерофей лишь мельком посмотрел на женщину и помотал головой.

— Сам понимаешь, нет средства от болезней, что разносят наши клещи. Я могу ее ромашкой напоить или деготь к укусу приложить, но Олесю уже не спасти.

— Как же так?! Как же так?! — закричал рыдающий мужчина. — Придумай что-нибудь! Спаси мою любимую! Ведь ты лекарь!

В его крике было столько боли и отчаяния, что даже у меня сердце сжалось. Я же вдруг снова изменил свое зрение, это произошло непроизвольно, и увидел в теле женщины длинного червя, который засел в голове и извивался, будто на горячей сковороде. Вот она, болезнь, но как с ней справиться?

— На, держи, — Ерофей протянул мужчине бутылек. — Дай, когда ей станет совсем плохо. Пусть не мучается.

— Что?! Ты хочешь, чтобы я убил свою жену?! — его лицо вспыхнуло от негодования и отчаяния.

— Больше ничем помочь не могу, — пожал плечами Ерофей.

Мужчина развернулся и пошел к выходу, прижимая к себе жену.

Нет, так не годится! Руночерть заberi этого Ерофея, считающего себя лекарем, но являющегося шарлатаном! Этот старый пень даже не попытался спасти от смерти молодую женщину!

Лекарь, что-то бормоча под нос, вернулся в свой угол, а я вышел следом за мужчиной и, плотно прикрыв за собой дверь, вполголоса сказал:

— Я попробую помочь. Только мне нужна ее рука.

Мужчина недоуменно уставился на меня, будто не понимая смысл сказанного, потом несмело кивнул. Я взял прохладную руку женщины и принялся чертить на ладони руны. Надеюсь, у меня все получится...

Глава 2

Я прекрасно понимал, что мало чем могу помочь женщине, ведь едва поддерживал собственный организм. Но были у меня в запасе несколько рун, которые хоть и не излечат, но могут на какое-то время остановить развитие болезни, а дальше видно будет. Если удастся продлить жизнь женщине хотя бы на пару-тройку дней, то, очень надеюсь, к тому времени я смогу накопить достаточно энергии, чтобы применить руну «Исцеления».

— Что ты делаешь? — хрипло спросил мужчина, наблюдая за тем, как я вывожу пальцем символы на руке его жены.

— Попробую остановить развитие болезни. Ничего не гарантирую, но очень постараюсь, — ответил я, старательно выводя руну «Чистоты».

Это одна из тех рун, что забирает меньше всего энергии, но это не значит, что она неэффективна. Руна «Чистоты» помогает избавиться от легких недугов и нейтрализовать слабые яды, а также позволяет организму сопротивляться болезни.

Я знал, что мужчина не видит руны, в отличие от меня. Для него сейчас я будто просто водил пальцем по ладони его жены. На самом же деле я вырисовывал каждую черточку и изогнутую линию, нанося узор, напоминающий раскрытый цветок. Когда внес последний штрих, в центре руны засия-

ло ядро, от которого во все стороны ринулись тонкие лучи. Превосходная руна. Жаль, что ее никто не видит, кроме меня.

Как только руна исчезла, выполняя свою миссию, женщина перестала стонать, глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Олеся! — воскликнул мужчина и, рыдая, принялся зацеловывать лицо любимой. — Ты жива!

— Что случилось? — слабым голосом спросила она.

— Потом все-все тебе расскажу, — смеясь сквозь слезы ответил он и с благодарностью посмотрел на меня. — Спасибо, Степа. Не знаю, что ты сделал, но ты ее спас. Проси у меня все, что хочешь.

Я ничего не ответил, потому что в это самое время мое зрение снова изменилось, и я вновь увидел червя. Он сжался и больше не двигался, но никуда не исчез. Болезнь просто затихарилась, и они обязаны об этом знать.

— Не торопитесь меня благодарить, — ответил я. — Облегчение продлится недолго. Болезнь обязательно вернется.

Супруги изменились в лице и переглянулись.

— Что же нам делать? — упавшим голосом спросил Глеб — так звали мужчину.

Степан знал всех в деревне, ведь уже несколько лет живет здесь, поэтому его память мне любезно подсказывала некоторые факты.

— Я постараюсь помочь. Но никаких гарантий не даю. Когда станет хуже, приходи, а я попробую к тому времени хотя

бы понять, как действовать.

Возможно, я говорил для них загадками, но супруги больше ни о чем не спрашивали. Еще раз поблагодарив меня, мужчина понес жену домой на руках, хотя та порывалась встать на ноги.

Проводив их взглядом, окунувшись вглубь себя и понял, что теперь точно не смогу нарисовать ни одну руну. Энергии не осталось. Но была у меня одна проверка, которая очень хорошо показывала уровень энергии — это мое имя, Аскольд. Если я мог полностью изобразить свое имя в виде руны — значит, источник полон. Если всего три или четыре знака — значит, наполовину пуст. Ну что ж, проверим, сколько во мне энергии.

Я изобразил пальцем на своей ладони первый знак — стержень, который являлся основанием, символом несгибаемой воли и мужества. Однако полоса еле заметно вспыхнула и тут же исчезла. Пу-пу, как я и думал — пустой.

Я поднялся на старое крыльцо и уже хотел взяться за ручку, но дверь сама открылась.

— Где ты шастаешь? — недовольно зыркнул на меня из-под кустистых бровей Ерофей. — Собираться пора.

— Куда собираться? — не понял я, но лекарь не удостоил меня ответом.

Развернувшись, он продолжал обзывать меня безмозглым тупицей, ослом и придурком, а сам вернулся к своим полкам и продолжил укладывать бутылки в деревянный ящик.

Я зашел в дом, закрыл дверь и, окунувшись в память Степана, «вспомнил», о чем говорил Ерофей.

Всю зиму лекарь сокрушался, что в нашем Лесогорье люди мало болеют и редко к нему обращаются за помощью, поэтому денег едва хватает на самое необходимое. Ранней весной он подумывал перебраться в поселение побольше. А потом и вовсе решил, что хорошо было бы жить не где-нибудь, а в самом Иркутске.

Степан был против, но не посмел возражать. Он боялся Ерофея как огня и старался предугадывать каждое его желание, чтобы тот не кричал и не бил его. Парнишка так привык преклоняться перед учителем, как лекарь себя называл, что никогда не высказывал своих желаний. Да и не стал бы тот его слушать.

При любом удобном случае лекарь напоминал Степану, что парень должен всю жизнь благодарить за то, что Ерофей взял его к себе, а не оставил одного в доме с мертвыми родителями, которые жили на дальней заимке, на берегу реки Лены.

— Так и будешь стоять как истукан? — вывел меня из раздумий голос лекаря. — Раз кашу спалил, так сбегай до Нюрки и выпроси хлеба. Скажи ей, что пока денег нет, потом расплачусь.

— Когда «потом»? — уточнил я на всякий случай.

Ерофей остановился и посмотрел на меня, удивленно приподняв бровь.

— Что-то ты слишком разговорчивый стал. Делай, как велю, пока по шее не получил! — прикрикнул он, схватил со стола деревянную толкушку и запустил в меня.

Первая мысль — сжаться и закрыть голову руками, ведь предметы в Степана летали довольно часто. Однако я — не Степан, а Аскольд из рода Рунописцев.

Я сделал шаг в сторону. Кухонная утварь пролетела мимо и ударилась о стену, отчего отскочила в сторону и угодила в ведро с водой, в которой набухало топорище. Вода, естественно, брызнула во все стороны, расплескавшись на галоши и сапоги Ерофея.

Лекарь, наблюдавший за всем этим, вмиг покраснелся и, вытаращившись на меня, заорал:

— Ты чего, гаденыш, натворил?!

— Ничего, — пожал я плечами. — Это ты сделал.

Тут уж Ерофея понесло. Он быстро подбежал ко мне и начал истерично орать, тряся передо мной кривым пальцем. Вены на его висках вздулись, глаза налились кровью, голос срывался то на визг, то на хрип.

Из всей его длинной гневной тирады я узнал, что я — ту-порылое животное, которое не смеет рта открывать и обязано ему жизнью. Что, если бы не он, я бы давно сдох. Что, никому я не нужен и только он, человек с большим сердцем, растит меня и не доедает, делясь своей пищей со мной. Короче, говорил он много и часто бессвязно, поэтому я просто перестал слушать, окунувшись в воспоминания бывшего

владельца тела.

Когда умерли родители Степана, мальчику было лет пять или шесть. Что именно с ними произошло, он не знал. Но Ерофей несколько раз говорил, что супруги отравились ядовитыми ягодами. Сам же Степан почти ничего не помнил о тех событиях. Видимо, детский разум решил пожалеть бедное дитя и просто избавил от тяжелых воспоминания.

Но у меня будет возможность все узнать. Есть одна замечательная руна, которая возвращает давно позабытое. Правда, для ее создания нужно много энергии, а я даже не знаю, как мне ее накапливать. В этом теле было все иначе.

— Понял меня? — выплеснув всю злобу, спросил Ерофей как раз в то время, когда я вынырнул из чужих воспоминаний.

— Понял, — кивнул я, хотя понятия не имел, о чем он.

— Тогда иди сена лошадям дай и проверь подковы. Дорога длинная, нужно подготовиться.

— А как же хлеб?

— Вот ведь дурень, — обреченно выдохнул он и покачал головой. — Угораздило же взять в ученики такого бездаря. Конечно, сначала иди к Нюре за хлебом — не пухнуть же от голода.

Ерофей продолжал бурчать, прохаживаясь по дому и решая, что еще может пригодиться в дороге.

Я же накинул на плечи плешивый тулуп, который Степан носил уже не первый год и который достался ему от умерше-

го соседа, и вышел из дома.

Была поздняя весна, теплое солнце ласкало лучами, но от леса шел холод, пробирающий до костей. Даже от легкого ветерка хотелось закрыться и по сильнее закутаться.

Взрослая женщина, которую Ерофей по-свойски назвал Нюрой, всегда хорошо относилась к Степану и старалась опекать его, угощая вкусной выпечкой, которую пекла для всей своей большой семьи, и подшивая его одежду. Степан любил ходить к Нюре в гости и втайне надеялся, что в один прекрасный день она скажет остаться и жить с ними, но этого не происходило. Возможно, потому, что у самой Нюры было шестеро детей и еще один рот ей не прокормить.

Ерофей, зная отношение женщины к приемышу, часто пользовался этим. Вот и теперь отправил к женщине за хлебом, хотя даже не думал ей платить. Он знал, что сердобольная Нюра не оставит парня голодным и обязательно поделится.

Я, владея памятью Степна, тоже это понимал, поэтому решил не просто попросить хлеб, а заработать его.

Дом Нюры стоял почти посреди деревни. Так же, как и все дома, он был сделан из двух срубов с толстенными бревнами. Дом был старый, и один угол провалился в землю, отчего все скривилось, но семье выбирать не приходилось, ведь старшему ребенку в этом году исполнилось десять, остальные — погодки. В общем, не до строительства, когда помощники — мал мала меньше.

Я поднялся на крыльцо и из-за двери услышал счастливый визг, смех и детскую болтовню. Весело живут и, что самое главное, дружно. Степан очень любил сюда приходить, но делал это крайне редко — стеснялся.

— Степка, ты чего здесь жмешься? — раздался сзади голос Нюры, когда я только поднял руку, чтобы постучать.

Я оглянулся и увидел дородную, розовощекую молодую женщину с добрыми глазами.

— Я пришел по дому помочь. Может, воды надо принести или дров нарубить?

— Помощникам мы всегда рады, — улыбнулась она и показала черные руки, запачканные жирной почвой. — Вот, за огороды взялись. Скоро можно будет сажать, а пока перекапываем, сорняки убираем. Надо бы вдоль грядок лопатой пройтись. Сможешь?

— Смогу, конечно, — с готовностью ответил я, скинул тулуп и, скатившись с крыльца, взялся за лопату, прислоненную к стене.

Мы с Нюрой обошли дом и подошли к аккуратным грядкам. Муж Нюры, Николай, стоял неподалеку и, вытирая пот со лба, пил воду из берестяной посуды.

— Здорова, Степка, — приветливо махнул он рукой. — Слышал, вы уезжать собираетесь. Правда, что ли?

— Здравствуйте, дядя Коля. Да, собираемся, — кивнул я, ответив так, как обычно разговаривал Степа. Я старался быть, как он, чтобы не навлечь на себя подозрения.

— Ясно, — он плеснул остатки воды на свежевскопанную землю. — Жаль, конечно. Как же мы без лекаря теперь?

— Вчерась в лавке слышала, что к нам городского фельдшера отправят. С образованием. Ох не верю я таким образованным. Они, небось, ни про травы ничего не знают, ни про заговоры. Будут везде свой градусник пихать, и все, — Нюра недовольно покачала головой и, наклонившись к земле, начала быстро щипать молодые ростки сорняков.

— Поглядим — увидим, — ответил Николай и взялся за лопату. — Ты, Степка, там копай, дерн вдоль грядки убирай, а я здесь пойду тебе навстречу.

После того, как с грядками было покончено, помог Николаю натаскать воду из колодца в баню и в дом. Вытряхнул ковры, развешанные на перекладинах, и только после этого подошел к Нюре и попросил хлеба. Женщина с готовностью дала круглую буханку свежеиспеченного хлеба и хотела впихнуть туес с медом, но я отказался. Им нужнее.

— Степа, только будь осторожнее, — шепнула мне Нюра, когда провожала до калитки. — Не выпячивайся, чужим не доверяй и себя береги. Ох и тяжело мне с тобой расставаться. Ведь как родной стал.

Женщина всмотрелась в мое лицо, будто пыталась запомнить. Затем крепко обняла и провела рукой по волосам.

— Ты еще подросток. Совсем взрослый стал. Не позволяй Ерофею с тобой плохо обращаться. Сам знаешь, какой он человек. Хоть и лекарь, а с гнильцой.

— Знаю. Прощайте.

— Прощай, — она опустила уголки губ, но сдержалась и не заплакала.

Пока возвращался до дома, не раз встречался с неодобрительными, угрюмыми взглядами местных. Нюра — единственная, кто хорошо ко мне относился. Для остальных же я был просто сиротой, от которого никакого толку, ведь за мной нет семьи, а из имущества только тулуп с чужого плеча, пара залатанных сапог, валенки и лапти. Такого, как Степан, не хотят видеть ни в качестве жениха для дочери, ни в качестве работника — ведь я худой, словно щепка.

Ерофей внушил всей деревне, что я ни на что не годен и что только из жалости он меня к себе взял. А способность видеть болезни в виде сущностей считалась каким-то отклонением, ведь Степан не умел лечить, а просто видел что-то необъяснимое и страшное.

Хлеб так вкусно пах, что я не удержался и отломил кусок. М-м-м, как же это вкусно. Корочка с привкусом жареного зерна приятно хрустела на зубах. Мякоть сладковатая, с едва уловимой кислинкой от закваски. Здешний хлеб был очень похож на тот, который пекли в моем мире, поэтому мысленно я переместился в свой родной дом.

Мой род много поколений занимался рунами, создавая новые и совершенствуя старые. С малолетства, едва я начал что-то соображать, меня начали учить лучшие мастера. Сначала это были легкие руны, которые заживляли ссадины и

мелкие царапины.

С каждым годом руны усложнялись, и только к двадцати годам я окончил обучение, овладев всеми видами рун, которые использует мой род. Руна «Погибели» была одной из самых сложный и мощных. Ею я овладел только на двадцатом году. Раз за разом я старательно рисовал каждую деталь, чтобы изображать руну в совершенстве. Единственное, что я сделал только однажды — последним штрихом соединил круг, тем самым активировав руну. Именно тогда я умер.

Добравшись до дома, пошел в конюшню и увидел двух лошадей. Лошади были старые, дряхлые и такие худые, что все кости можно было пересчитать. Накидав им побольше сена, я не удержался и отломил каждой по куску хлеба. Лошади с благодарностью приняли лакомство и по очереди потерлись носами о мое плечо.

От целой буханки осталась только четверть. Ну и ладно, хватит. Убрав кусок хлеба в карман, принялся осматривать подковы. У гнедой лошади с жидкой гривой вообще не было подковы на переднем правом копыте. А у второй, пепельной, одно копыто воспалилось и опухло. Нужно срочно принимать меры, пока гной из копыта не распространился по всему организму и не убил бедное животное.

Я торопливо двинулся к дому.

— Дядька, — именно так Степан называл Ерофея. — Подковы проверил. У одной подковы вообще нет, а у второй...

— Ты хлеб принес? — сухо спросил лекарь.

Он сидел за столом и соскребал с котелка пригоревшую кашу.

— Принес, — кивнул я и продолжил. — Так копыто опухло. Его бы вскрыть, пока...

— Давай сюда хлеб, пока по шее не получил, — угрюмо продолжил он, даже не глянув на меня.

Я пожал плечами, вытащил из кармана оставшийся кусок и положил перед ним.

— Это все? — удивился он. — А где остальное?

— Съел, — ответил я, хотя на самом деле отщипнул лишь краешек на один укус.

— Не нравишься ты мне, Степан, — он поднял на меня взгляд, в котором читалась неприязнь. — Полдня прошло, как ты за хлебом пошел. Распоясался совсем. Даже не знаю, что с тобой делать. Ты, наверное, в ледник захотел?

Ледник — самое суровое из всех наказаний, каким подвергал сироту лекарь. Зимой небольшое помещение, вырытое под землей, заполняли снегом и льдом, чтобы можно было в теплое время года хранить там мясо, рыбу и прочие скоропортящиеся продукты. Лекарь заставлял Степу спускаться в ледник и запирали его там на всю ночь. Ночь в холоде и в страхе. Неокрепший юношеский мозг рисовал страшные картины и жуткие видения.

Прежний Степа рухнул бы на колени перед учителем и умолял сжалиться над ним. Клялся бы, что больше никогда

не допустит ни малейшей оплошности или ошибки.

Однако я — вовсе не он. Надо мной так никто не будет издеваться.

— За что? — спокойным голосом спросил я.

— Ты еще спрашиваешь?

Ох уж этот удивленный взгляд. Частенько я его сегодня вижу. Похоже, я все же сильно отличаюсь от Степана, ведь не готов сносить побои и унижения.

— Да, — я смело смотрел на него. — Я сходил за хлебом, накормил лошадей и проверил подковы. Сделал все, что ты велел.

— Остолоп, время уже за полдень! Опять с ребятей гулял, чтобы мне не помогать?! — взревел он, не удержавшись.

— Нет, не гулял. Работой заплатил Нюре за хлеб. Нехорошо врать, что заплатишь, если платить не собираешься.

— Ты еще учить меня вздумал, полудурок?! — вскочив со скамьи, Ерофей кинулся ко мне и занес было руку для оплеухи, как вдруг встретился с моим взглядом.

Не знаю точно, что он там увидел, но переменился в лице и опустил руку, так и не ударив.

— Нечего пялиться на меня! Отведи лошадей к кузнецу. Чертов Морозов продал своих полудохлых лошадей и свалил. С кого теперь деньги на кузнеца брать? Вот же сволочь!

Лекарь вернулся за стол и, продолжая бубнить, снова принялся ковыряться в котелке, откусывая понемногу хлеб. Я же попил воды из бочка и вышел на улицу. Очень хотелось

есть, но я потерплю. Не признаваться же, что хлеб не сам съел, а лошадям скормил. Чего доброго, Ерофей решит свою злость выместить на них, а бедным животным и так несладко живется.

Лошадей лекарь купил всего несколько дней назад у проезжего торговца Морозова. Лошади ему достались за полцены, ведь уже доживали свой век. Однако лекарю больше и не надо. По его же признанию, ему бы только до Иркутска добраться, а там он этих лошадей на мясо пустит: «Говорят, конина хоть и не так высоко ценится, как телятина, но и на нее есть свой покупатель».

Кузница находилась в самом конце деревни, поэтому я вывел лошадей из стойла, взял под уздцы и повел к кузнецу. Лошади послушно шли рядом, изредка щипая губами ворот моего тулупа, поэтому можно было и не надевать на них сбрую.

Пепельная прихрамывала на больную ногу. Если ее не вылечить, то далеко не уйдет. Надеюсь, кузнец более ответственный, нежели лекарь. На больное копыто нельзя прибивать подкову. Только после того, как выздоровеет. Однако я здесь ничего не решал. Если послушаюсь Ерофея, то ледника не избежать. Я, конечно, мог бы перестать притворяться юношей и показать, на что способен, но шутка в том, что я пока ни на что не способен, потому придется выживать в таких условиях и терпеть нерадивого лекаря.

— Куда прешь?! Сходи с дороги! — грубо закричал на ме-

ня тучный мужик, подъезжая на телеге, нагруженной мешками с зерном. — Еще кляч своих вывел! У-у-у-х-х, тюхля!

Он взмахнул плетью и хотел ударить меня, но попал по гнедой. Лошадь зафыркала, но лишь понурила голову — привыкла к побоям, прямо как Степан. Ну уж тут я стерпеть не смог — накопилось.

Когда в очередной раз плеть со свистом устремилась в мою сторону, я перехватил ее и резко дернул. Тучный мужик чуть не улетел со своего места, а я подошел к нему вплотную и сказал так, чтобы никто, кроме него, не услышал:

— В следующий раз я эту плетку тебе в глотку запихаю. Уяснил?

Мужик явно не ожидал такого от меня, поэтому сглотнул и кивнул.

— Вот и хорошо, — улыбнулся я, закинул плетку в канавку с тухлой водой и продолжил путь.

Кузницу увидел издалека. Здание стояло на пригорке, а из его трубы валил густой белый дым.

Я привязал лошадей к нарочно прибитой жерди и распахнул тяжелую дверь. В лицо пахнуло жаром и запахом железа. На звук обернулся кузнец — высокий широкоплечий мужчина с огромными сильными руками, в которых держал поистине громадный молот.

— Чего тебе? — сухо спросил он.

Я хотел сказать насчет лошадей, но тут мой взгляд изменился, и я невольно замер от увиденного.

— Ну? Чего молчишь? Говори или проваливай, — кузнец начал терять терпение.

— Э-э... Кажется, вы скоро умрете, — выдавил я.

Глава 3

Кузнец недоуменно уставился на меня, подбросил в руке молот и, грозно сдвинув брови, спросил:

— Чего? Совсем свихнулся?

Я же не мог отвести взгляда от жуткого существа, которое виднелось в прорези рубахи: зеленое, шипастое, с мерзким длинным хвостом. Оно находилось прямо в животе кузнеца, заполняя собой почти все пространство.

— Я вижу вашу болезнь, — ответил я и ткнул пальцем в разошедшийся шов на рубашке.

— П-ф-ф-ф, брехня! — он ударил молотом по железке, лежащей на наковальне, отчего во все стороны брызнули искры. — Тоже мне — лекарь сыскался. Здравее тебя буду, паршивец. Говори, зачем пришел, или проваливай!

С трудом оторвав взгляд от сущности, я сглотнул, ведь от сильного жара и запаха раскаленного металла в горле пересохло.

— Я лошадей привел. Нужно подковать, — ответил я, совладав с собой.

— Покажи.

Кузнец отложил молот, вытер руки о кожаный фартук и вышел на улицу вслед за мной. Он быстро осмотрел копыта и сразу же забраковал пепельную.

— За нее не возьмусь, пока не вылечите. А вторую утром

заберешь. У меня срочный заказ, поэтому твоя лошадь здесь постоит. Когда освобожусь — подкую, — сухо сказал он мне. — Ерофей знает о расценках?

— Не знаю, — пожал я плечами.

— Тогда предупреди, что расценки поднялись. Теперь беру пятьдесят копеек, — бросил он через плечо. — Пусть сразу приготовит деньги. Иначе лошадь не получит. В долг я больше не работаю — слишком долго приходится ждать.

Я кивнул, взял под уздцы больную лошадь и повел ее вниз с холма к дороге. Лошадь шумно выдыхала каждый раз, как наступала на больное копыто. Наверняка ее мучают сильные боли. Я бы сам помог, но единственное чему обучен — рунам. Их я знаю великое множество, и многие из них излечивают от болезней, но для того, чтобы их применить, нужно потратить энергию, а ее у меня практически нет, и я не знаю, как ее пополнить. В прошлой жизни с этим у меня не было проблем, ведь энергия исходила от самой земли и постоянно подпитывала меня. Здесь же все по-другому — я почти не ощущал ее. Поэтому не мог понять, откуда черпать.

Как только мы с лошадей дошли до дома, навстречу вышел лекарь.

— Не понял. А где вторая? — нахмурил он брови.

— У кузнеца. Сказал, чтобы утром забирали. А еще сказал, что в долг больше не работает и нужно будет заплатить пятьдесят копеек.

— Пятьдесят?! Зажрался совсем? Тридцать же было! —

Ерофей скатился с крыльца и подошел ко мне. — А эту клячу почему не взял?

— Сказал, что сначала надо копыто вылечить.

— Ух-х-х, — он поднял кулак и потряс им в сторону кузницы. — Мало того, что кровь нашу пьет — пятьдесят копеек за копыто! — так еще и условия свои ставит? Чтоб его завернуло и выбросило, негодяя! — зло выпалил он, затем, немного успокоившись, велел: — Отведи лошадь в стойло. Сейчас приду.

Лошадь послушно зашла в свой загон, утопающий во тьме, и встала у стены, подогнув больную ногу. Вскоре торопливо вернулся Ерофей со свечой в руках.

— На, — впихнул он мне свечу, установленную в глиняную плошку. — Будешь копыто держать и светить. Посмотрю, что там у нее.

Я поднял больное копыто и поднес свечу, а Ерофей наклонился и, ковыряя грязь концом ножа, начал осматривать.

— А-а-а, так вот же гвоздь торчит. Подковы нет, а кусок ржавого гвоздя остался, — Ерофей поцокал языком и зло процедил: — Ну, Морозов, только попадись мне на глаза.

Лекарь с кряхтением разогнулся и двинулся к выходу.

— Держи, а я за щипцами.

Лошадь стояла смирно и даже хвостом не махала, будто понимала, что мы пытаемся ей помочь, и боялась помешать нам.

Я ухватился за гвоздь и попытался пальцами выдернуть

его, но не тут-то было — крепко сидит. Без щипцов точно не обойтись.

Время шло, а Ерофей не возвращался. Мне даже показалось, что он забыл, за чем ушел, поэтому хотел пойти за ним, но тут послышался скрип входной двери и шаги.

— Ты чего, паршивец, щипцы под лавку закинул? — напустился он на меня. — Еле нашел! Вот учу тебя, учу, а толку нет. Как был бесполезной обузой, так и остался. Сам не понимаю, почему до сих пор тебя кормлю. Другой бы давно тебя на улицу выкинул.

Из воспоминаний Степана я знал, что не стоит обращать внимания на его слова. Лекарь нуждался в парне ничуть не меньше, чем он в нем. Только благодаря Степану к Ерофею обращаются за помощью. Лекарь не мог распознать болезнь, поэтому не знал, как и что лечить, и только способность Степана видеть болезни позволяла успешно излечивать людей.

— Держи крепко, — велел он и с щипцами склонился над копытом. — Если лягнет — с тебя спрошу. Уж тогда точно ледника не избежишь. Как миленький будешь сидеть.

Я смерил его долгим взглядом, с трудом сдерживаясь, чтобы не ответить. Посадить в ледник Аскольда из Рунописцев? Ха! Если бы я обладал своей прежней силой, то сейчас бы от лекаря и злосчастного ледника не осталось и следа. Но пока придется потерпеть.

Продолительно выдохнув, чтобы успокоить свирепствующую бурю внутри, я изо всех сил прижал к себе ногу ло-

шади, прекрасно понимая, что не смогу удержать, если Пепельная задумает пнуть лекаря.

Ерофей ухватился щипцами за гвоздь, резко дернул и тут же отступил в сторону, опасаясь реакции. Лошадь вскинула голову и заржала от боли, но не пнула, продолжая стоять, словно изваяние. Какое же умное животное, все понимает.

Из образовавшейся раны потекла зловонная жидкость. Лекарь полил на копыто воду из старого бачка и принялся шептать заговор. Я невольно прислушался:

— ...чтобы было здорово, не болело, не хромало. Беда ушла, боль отпала. Слово мое крепко...

Не знаю, что это за магия, но его заговоры работали. Пусть Ерофей не в силах излечивать серьезные болезни, но с ранами и простудами он хорошо справлялся.

— Все, — сказал он, двинулся к выходу и бросил через плечо: — Прибери здесь.

— Молодец, хорошо держалась, — я погладил лошадь по морде и легонько похлопал по крупу.

Чтобы хоть как-то помочь ей быстрее восстановиться, я начертил прямо на пепельном боку руны «Бодрости». Руна вспыхнула и пропала, проникая в тело животного и выполняя свою миссию.

Пепельная уткнулась мне в плечо носом и заглянула в глаза — благодарит.

Взяв вилы, сгреб навоз и старое сено в угол и постелил под ноги животного свежий настил. С наступлением сумерек на

землю пришел холод, а сарай был весь в дырах, поэтому снаружи и внутри была почти одинаковая температура. Больному животному сейчас нельзя мерзнуть, поэтому накрыл ее старой фуфайкой, что висела в углу на гвозде.

Едва зашел в дом, как лекарь снова заворчал:

— Весь день где-то шастал. На ужин ничего не готовил. Иди хоть на чердак залезь и рыбы вяленой принеси, — велел он, подшивая голенищу кожаного сапога. — С таким помощником можно с голоду сдохнуть.

Я с раздражением выдохнул и вышел, с силой захлопнув дверь. Под конец дня мое терпение было на исходе. Если ему за один день удалось довести меня до белого каления, то что же будет дальше? Сложно быть в чужой шкуре. Особенно в шкуре парнишки, который много лет позволял к себе так относиться. Чувствую, придется лекаря ставить на место, чтобы больше не смел так со мной обращаться. Но не сейчас. Мне нужно окрепнуть. А пока я должен вести себя, как прежний Степан Устинов.

К стене дома была приставлена лестница, упирающаяся в чердачную дверь. Взобравшись наверх, повернул вертушку, толкнул дверь и осторожно шагнул на чердак. В нос ударила смесь запахов: сухое дерево, пыль, нагретый песок и характерный аромат вяленой рыбы. Под ложечкой тут же засосало, ведь за целый день я почти ничего не ел.

Приглядевшись, увидел в полутьме веревки, натянутые между балками крыши, на которых висели тушки рыб.

Прежний Степан не посмел бы притронуться к ним без разрешения, я же, не теряя времени, снял ближайшую ко мне рыбу с веревки и, содрав кожу с чешуей, вгрызся в солоную мякоть.

М-м-м, это было так вкусно, что сам не заметил, как съел три рыбины, и только потом вспомнил о Ерофее. Наверняка снова будет орать. И плевать. Сняв с веревки еще пять штук, спустился вниз и зашел в дом.

— Ты нарочно решил довести меня?! Полчаса за рыбой ходил! — закричал лекарь и взмахнул рукой, в которой были розги — пучок длинных прутьев.

Перед внутренним взором тут же появились картинки побоев. Степан не раз получал розгами и обычно смиренно склонялся перед лекарем и молча сносил удары, но со мной такое не пройдет. Однако и отпор я пока не могу дать, ведь должен всеми силами подстроиться под бывшего владельца тела: неизвестно, как все обернется, если кто-то узнает, что в теле паренька живет чужой дух. Возможно, меня захотят убить.

Увернувшись от удара, я отбежал на безопасное расстояние.

— Простите, дядька. Я не нарочно. Увлёкся, — промямлил я и сделал испуганное лицо. Ну точь-в-точь как прежний Степан.

Лекарь выдохнул, убрал розги на место и, сев за стол, велел:

— Дай сюда рыбу и вали с глаз долой. Чтобы до утра я тебя не видел и не слышал.

Я положил перед ним рыбу и пошел на свою лежанку, которая жалобно заскрипела под моим весом. Как только Ерофей замахнулся на меня, первой мыслью было сломать ему руку и схватить за горло. Однако я быстро понял, что Степан не посмел бы этого сделать. Нелегко мне будет постоянно притворяться другим человеком.

Накрывшись покрывалом, с которого от старости лезли все нитки, я попытался уснуть. Нужно было попробовать восполнить запас энергии, который потратил за день, но сон никак не шел, слишком много всего произошло.

Тем временем лекарь съел рыбу, сдул пламя керосиновой лампы и лег на свою кровать. Через пару минут он захрапел, я же до сих пор не мог заснуть, обдумывая последние события. Раз за разом я прокручивал в голове то, что произошло, пытаюсь найти ключ к разгадке. Вспышка, смерть, пробуждение в новом теле. Как это случилось? Почему? Непонятно.

Проворочавшись на жестком ложе до самого рассвета, я с трудом заснул. Снилось мне моя прошлая жизнь. Вокруг мелькают руны, искрятся магические заклинания — я на одной из боевых тренировок. Именно служба и тренировки заполняли мою жизнь, ведь я, как защитник границы, не хотел создавать семью, считая, что она ослабит меня. Меня нельзя шантажировать, угрожая родным. Меня нельзя сломать, убив мою семью. Меня нельзя принудить, ведь у меня нет

слабых мест. Я — идеальный воин, стоящий на страже своей империи. И я выполнил свою миссию, забрав жизни врагов. Правда, при этом отдал свою, но я об этом нисколько не жалею. Таков мой путь.

— Эй, олух, ты долго спать собираешься? — выкрикнул над ухом Ерофей и пнул по лежанке. — Вставай!

Я не сразу понял, где нахожусь, поэтому вскинул руку, чтобы нарисовать руну, которая накажет наглеца, осмелившегося так со мной обходиться, но, когда открыл глаза, все вспомнил. Настроение тут же испортилось. Еще один день в этом слабом теле и с этим невыносимым человеком.

Вылез из-под покрывала и первым делом пошел за дровами. Надо топить печь — это моя обязанность. Как и носить воду, варить, мыть, убирать, прислуживать лекарю и еще много всякого разного. Степан был не учеником при учителе, а бесправным рабом, ведь Ерофей лишь использовал дар парнишки, но ничему его не учил. Ему нужен не конкурент, а только безропотный слуга.

— Если и сегодня кашу спалишь, то неделю без еды просидишь. Понял? — пригрозил он, когда я принес дрова и начал складывать поленья в жерло печи.

Сам же лекарь сидел в углу за своим столом и что-то перетирал. Судя по запаху, какую-то ароматную траву. Я не силен в лечебном деле, как и в травах, но тоже изготавливал и заряжал снадобья с помощью рун, усиливая их действия. Но для этого тоже нужна энергия.

Отвернувшись от лекаря, я нарисовал на ладони первый символ своего имени, и (о чудо!) он загорелся. Однако вторая черточка только вспыхнула и сразу погасла. Это значит, что энергия хоть и накопилась, но совсем немного. Как же мне накапливать ее быстрее? А вдруг я никогда не смогу... Нет-нет, даже думать об этом не хочу. Я должен найти способ восстановить свои силы, иначе мне всю жизнь придется пресмыкаться перед теми, кто сильнее. А это не по мне. Уж лучше смерть.

— Что ты там опять застыл? Шевелись! — прикрикнул Ерофей. — Потом за лошадю пойдешь и отдашь кузнецу вот это.

Он подошел к столу и положил три монеты по десять копеек.

— Вот, расплатись за подкову.

— Кузнец сказал, что работа будет стоить пятьдесят копеек, — возразил я.

— Мало ли что он сказал, — грубо ответил лекарь. — Пусть берет, что дают, а то и этого не получит.

— Он сказал, что не отдаст лошадь, — с нажимом проговорил я.

Ох и скупердый же этот лекарь, аж тошно. На всем хочет сэкономить, хотя с деревенских за лечение последнюю рубашку снимает.

Ерофей поджал губы и шумно задышал, раздувая ноздри. Я видел, как в нем борются его жадность и осознание того,

что кузнец слово свое сдержит.

— Ну ладно. Пусть подавится, — он положил еще две монеты и, развернувшись, двинулся к выходу. — Проверю кобылу. Если копыто зажило, отведешь к кузнецу.

Я меж тем отмыл вчерашний котелок, налил воды, насыпал крупу и засунул в печь, в которой уже полыхали дрова. Теперь нужно следить: как только вода в котелке закипит, подтянуть его ближе к двери и часто помешивать кашу, иначе сгорит и без завтрака останется не только Ерофей, но и я.

Лекарь быстро вернулся с недовольным выражением лица.

— Копыто все еще раздуто. Чертов кузнец снова откажет. Нужно подождать день-другой, — он с раздражением пнул табурет, оказавшийся под ногами. — Так не терпится выехать из этой глуши, но хрен там. Придется еще здесь поторчать.

Он бросил на меня недовольный взгляд и продолжил:

— Тебе-то все равно, я тебя кормлю, одеваю, обуваю. Хорошо устроился. А мне одному приходится на все зарабатывать. Ты хоть знаешь, сколько я отдал за этих полудохлых кобыл?

Я помотал головой — не имею ни малейшего представления. Вообще, в этом доме говорил лишь Ерофей, Степан же со всем соглашался и подавал голос только если его спрашивали.

— Десять рублей. Целое состояние! А этот гад Морозов

еще и бракованных мне впихнул. Сволочь! Только попадись он мне под руку, — он поставил табурет на место и грузно опустился на него. — Кашу сварить — и самовар поставь. Листовой чай закончился, зато целый мешок сухой чаги есть. Ее завари, не буду я больше денег на еду тратить. Нам еще до Иркутска добираться.

— А сколько до него ехать? — спросил я, помешивая кипящую кашу.

Ерофей недовольно взглянул на меня, но ответил:

— Недели две при хорошем раскладе, но дорогу не загадывают. Всякое может быть.

С этим я полностью согласен. К тому же очень даже рад, что мы уезжаем, ведь на новом месте я могу стать самим собой, а не изображать бедного и забитого сироту. И лекаря поставлю на место, но сначала нужно уехать отсюда.

После того, как каша приготовилась, выбрал подходящие по размеру угли и сложил в самовар, а сам пошел кормить Пепельную. Та узнала меня и сразу оживилась.

Задрав ее ногу, внимательно осмотрел копыто. Стало лучше, но опухоль до сих пор сохранилась. «Второе» зрение показало просто черное пятно на месте раны. Теперь и я хотел, чтобы она быстрее поправилась и мы уехали отсюда, поэтому налил в корыто свежую воду, бросил охапку сена и нарисовал на боку лошади еще одну руну «Бодрости». Она придаст ей сил и поможет быстрее справиться с воспалением. Лошадь будто все понимала, начала тереться об меня носом

и щипать губами мой воротник.

Когда вернулся в дом, вода в самоваре уже кипела. Насыпал в медный чайничек мелко крошенную чагу и залил кипятком. Вода тут же окрасилась в коричневый цвет.

Разложив кашу по тарелкам, сел за стол и принялся есть. Лекарь недовольно покосился на меня, ведь раньше Степан сидел и ждал, когда тот первым приступит к трапезе, однако я такой традиции не намерен придерживаться. Все же постоянно притворяться забитым сиротой мне довольно трудно. Поэтому решил иногда, хотя бы в незначительных поступках быть самим собой.

Ели мы в полной тишине. Ерофей что-то бубнил под нос. Изредка можно было услышать названия: Камышово, Лаптево, Изумрудное. Видимо, обдумывал путь до Иркутска.

Доев свою порцию каши, налил чай и сразу почувствовал насыщенный древесный аромат чаги. Из памяти Степана я знал, что чага — это гриб, живущий на березах. Его собирают, сушат и заваривают вместо чайных листьев. Никогда не пил такой чай, поэтому осторожно пригубил. Вкус мягкий, с легкой горчинкой. Довольно неплохо. Вот бы к такому чаю медовую сладость или...

— Ты чего время тянешь? А ну марш за лошадь! — воскликнул лекарь и ударил ладонью по столу.

Так хотелось заткнуть его и продолжить неспешное чаепитие, но я вовремя вспомнил, что не стоит этого делать. Большими глотками допил еще горячий чай и, прихватив

монеты, торопливо двинулся к кузнице.

Издали увидев лошадь, с облегчением выдохнул и ускорился. Теперь я больше всего дорожил нашими лошадками, ведь без них не выбраться из этого места. Добравшись до кузницы, первым делом проверил подкову — новенькая и хорошо прибитая. Кузнец знает свое дело.

Как только потянул дверь кузни на себя, увидел кузнеца. С каким-то отрешенным выражением лица он бил по раскаленному железу. Мужчина не обратил на меня никакого внимания, поэтому пришлось подать голос:

— Я за лошадью пришел!

Стук тут же прекратился, и наступила звенящая тишина. Кузнец повернул ко мне красное лицо и в напряжении уставился, будто пытался вспомнить, кто я такой.

— А-а-а, сирота. С тебя пятьдесят копеек, — хрипло проговорил он и протянул большую мозолистую руку.

Я достал деньги из кармана и аккуратно положил их в центр ладони. Мельком взглянув на монеты, кузнец убрал их в карман фартука и продолжил работать молотом. Я вышел на улицу и первым делом вдохнул полной грудью. После тяжелого запаха дыма, пота и железа прохладный утренний воздух казался пьяняще сладким.

Проходя мимо дома женщины, которую укусил клещ, увидел в окне ее мужа Глеба. Тот замахал мне рукой и через секунду выскочил на улицу.

— Степка! Не уходи! — крикнул он и побежал ко мне бо-

сиком по узкому деревянному тротуару. На его лице читалась паника. — Степка, Олеся снова плохо стало. Вот только что сидела за столом, а потом упала и захрипела. Помогите! Ведь вчера ей легче стало, после того как ты это... Руку ее подержал, — он с мольбой посмотрел на меня.

— Хорошо. Я постараюсь помочь. Привяжите лошадь, — велел я, отдал ему ремень сбруи и побежал в дом.

Женщина лежала на кровати. Лицо белое, дыхание поверхностное и частое. Она не обратила на меня внимания, лишь смотрела мутным взглядом в потолок.

Я быстро подошел к ней. «Второе» зрение показало мне червя. Он снова извивался, но почти вдвое уменьшился в размерах. Хм, неужели моя руна на него так подействовала?

Тем временем Глеб вернулся в дом, опустился на край кровати и выжидательно уставился на меня. Я же провел пальцем по своей руке и понял, что все еще могу нарисовать первый символ своего имени. Ну что ж, тогда можно попробовать нарисовать руну посильнее.

Взяв руку женщины, принялся рисовать. Провел длинную линию в центре ладони, слева нарисовал зигзаг, справа добавил еще два элемента и соединил все части. Руна «Крепости» на миг вспыхнула золотистым сиянием и пропала, я же чуть не упал из-за бессилия. Вся энергия ушла на создание руны.

Олеся прямо на глазах порозовела, задышала глубоко и ровно. Она перевела взгляд на меня, затем — на мужа и еле

слышно сказала:

— Не болит...

Усилием воли я «переключил» зрение и... не нашел червя. Его больше не было.

— Ты здорова. Болезнь больше не вернется, — устало выдохнул я и вдруг увидел, как от груди Олеси отделился светящийся шар и полетел на меня. Я отмахнулся от него рукой, но шар пролетел сквозь руку и растворился, прикоснувшись к моей груди.

Что это было?

— Вы это видели?! Вы видели шар? — я в панике принялся ощупывать себя.

— О чем ты? Какой шар? — спросила Олеся, поднимаясь с кровати.

— Никакого шара не было, — Глеб обнял жену и насто-роженно посмотрел на меня.

Та-а-ак, получается, что шар никто не видел. Я сразу же принялся рыться в памяти Степана, но ничего подобного не нашел. Супруги же принялись меня благодарить и всунули в руки несколько купюр. Я не глядя убрал деньги в карман, покивал в ответ, вышел из дома и, все еще пребывая в замешательстве, отвязал лошадь и побрел к дому.

Стоп! Я чувствовал себя хорошо, будто и не было той сильной усталости, что возникла после создания руны. Остановившись, провел пальцем по ладони. Первый символ имени ярко светился. Ярче прежнего. Не может быть. Я вывел

следующий символ, и он не пропал, а остался на коже. Правда, намного тусклее первого. Получается, что я вылечил Олею и энергия ко мне вернулась, да еще и в большем объеме, чем я ее потратил. Невероятно! Просто невероятно! Нужно удостовериться, что я не ошибся.

Я почти бегом привел лошадь домой и нарисовал руну «Крепости» на боку Пепельной. Руна пропала, как и черное пятно на копыте, а от лошади ко мне поплыл светящийся шар. Теперь я мог нарисовать и третий знак своего имени, но он был еле виден и вскоре пропал.

Получается, что энергия ко мне возвращается, когда болезнь проходит. И чем серьезнее болезнь, тем больше энергии. Мне нужно лечить, чтобы становиться сильнее. Был стражем границы, руномагом Аскольдом из рода Рунописцев, а стал лекарем-руномагом Степаном Устиновым. Ха, теперь я знаю, как мне выжить в этом мире.

Глава 4

Я вывел Пепельную на улицу и при свете дня, убедившись в том, что копыто зажило, повел в сторону кузницы.

— Эй, ты куда ее повел? — окликнул меня Ерофей, высунувшись из открытого окна.

— К кузнецу, подковать, — ответил я и погладил лошадь по морде.

— Что ж ты творишь, олух? К больному копыту кузнец не станет подкову прибивать! Верни ее назад в стойло!

— Копыто зажило.

— Ну и дурень же ты, — он обреченно покачал головой, захлопнул окно, вышел на улицу и приблизился с недовольным лицом. — Ну, показывай.

Я задрал Пепельной ногу и показал совершенно здоровое копыто. Даже дыра от гвоздя затянулась, будто ее и не было.

— Ничего не понимаю, — лекарь почесал затылок. — Как так-то? Ведь еще утром было раздуто.

— Ваш заговор помог, — скрыв самодовольную ухмылку, ответил я. Этому лекарю далеко до моих рун. Очень далеко.

— Может быть, — с сомнением в голосе произнес он. — Ну ладно, води к кузнецу.

Мы с Пепельной двинулись дальше. По пути я тренировал свое «второе» зрение, которое научился включать по желанию. У старухи, которая, переваливаясь с ноги на ногу, шла

передо мной, сидели небольшие, похожие на жаб существа на коленях и кистях. Судя по скованным движениям, у нее проблемы со всеми суставами, но я не мог «видеть» сквозь одежду.

Среди ребятни, с криками носящейся по дороге, увидел мальчика с темными пятнами на розовых щеках. Он часто шмыгал носом и тер покрасневшие глаза.

У колодца стояли трое мужчин и неспешно о чем-то разговаривали. К ним я особенно тщательно приглядывался, но ничего необычного не заметил. Зато один из них перехватил мой изучающий взгляд и крикнул:

— Тебе чего надо, Устинов? Чего ты так пялишься?

— Ничего, — пожал я плечами.

— Вот и иди себе, пока по шее не получил, — рявкнул он. — Знаем мы твою натуру, опять будешь страху наводить, про чертей в печени говорить.

Два мужика на это весело заржали, а я понял, что Степан имел неосторожность говорить то, что видит, чем только злил местных. Кто-то из них не верил в способности парня. Кто-то просто не желал знать о своих проблемах.

Поднявшись к кузнице, я привязал Пепельную, но зайти не успел — кузнец сам вышел.

— Я лошадь привел подковать.

— Ту, что с больным копытом? — мельком взглянул на нее мужчина и шумно хлебнул из ковша, который держал в руках. — Я же сказал, что не буду прибивать подкову к

больному копыту. Что непонятного?

— Все понятно. Копыто мы вылечили.

Кузнец нахмурил брови, еще раз взглянул на лошадь, допил воду и, отдав мне ковш, подошел к Пепельной.

— Хм... И вправду зажило. Так быстро, — он выглядел озадаченным.

— Дядька вылечил, — ответил я, понимая, что меня как лекаря не воспринимают. Именно поэтому нужно уехать отсюда и начать жить там, где меня никто не знает.

— Тогда сейчас все сделаю. Можешь подождать. Заодно поможешь. Я своего подмастерья домой отпустил.

Кузнец принес толстую веревку и, перекинув ее через спину, привязал лошадь к столбу. Затем бросил перед ней охапку соломы и велел мне:

— Держи копыто.

Я погладил лошадь, которая заметно занервничала, и нарисовал на ее боку руну «Гармонии». Она помогает восстанавливать душевное равновесие и убирает страхи. Пепельная успокоилась и засунула морду в ворох соломы.

В это время кузнец зашел в кузницу и вернулся с инструментами.

— Сил-то хватит держать? — с сомнением окинул он мое худощавое тело с тонкими руками-веточками.

— Хватит, — решительно кивнул я.

Кузнец наклонился над копытом и принялся очищать его от грязи и навоза ножом с изогнутым лезвием. Затем срезал

лишнее, сделав поверхность копыта ровным, и вытащил из кармана несколько подков.

— Если ни одна не подойдет, придется подогнуть, — предупредил он и принялся подбирать подходящую.

К сожалению, подходящей не нашлось. Одна была сильно больше и торчала из-за края копыта. Остальные две, наоборот, слишком маленькие.

— Пошли, поддержишь, — махнул он мне рукой.

Вместе мы зашли в душную кузницу. Мужчина опустил подкову в горн, а я меж тем осмотрелся.

Кузница была довольно просторная, с двумя небольшими окнами. В самом центре помещения располагался горн, в котором светились красные угли, даря сильный жар. Слева от него — наковальня, а на длинном столе у стены лежали многочисленные инструменты.

— Поработай, чтоб дело пошло быстрее, — велел мне кузнец и показал на меха.

Я схватился за деревянную ручку и принялся двигать ее вверх и вниз, сжимая и разжимая кожаные меха. Мощная струя воздуха сильнее раздувала жар углей, и вскоре я весь покрылся потом, а лицо начало гореть.

— Быстрее! Каши не ел? — кузнец с недовольным видом зыркнул на меня. — Чтобы металл разогреть, жар должен быть как из преисподней. Понял? Работай, не жалея себя! Это тебе не травки для лекаря собирать. Здесь сила нужна, — он хмыкнул и, зачерпнув воду из деревянной кадушки,

принялся жадно пить.

У меня тоже пересохло в горле, но я крепился и еще ускорился, хотя и так выжимал из этого слабого тела все, что мог. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Вскоре мышцы на руках забились, поэтому пришлось работать всем телом. Верхнюю рукоять я, присев, положил на плечо и поднялся, выпрямляя ноги и одновременно набирая воздух в кожаный мешок. Затем эту же рукоять схватил двумя руками и повис на ней. Из мешка с шипением вырвалась струя воздуха и раззадорила угли, заставляя их разгораться сильнее и выдавать весь накопленный жар.

— Так! Молодец! Давай еще, не сбивайся с ритма! — оживился кузнец, внимательно наблюдая за подковой.

Усталость разливалась по всему телу, но я не останавливался. От моей работы зависело то, как быстро мы сможем уехать из деревни.

Вскоре кузнец подхватил длинными щипцами подкову из углей и, положив ее на наковальню, принялся аккуратно бить молотом.

Я же не удержался и, подбежав к кадушке, зачерпнул ковшом воду и начал жадно пить, чувствуя, как по спине и вискам бегут капли пота. Прохладная вода была просто божественным напитком, который возвращал силы и дарил успокоение.

— Надо проверить, — вскоре сказал кузнец, подхватил щипцами подкову и двинулся к двери.

Я пошел за ним. Лошадь неспешно жевала солому и равнодушно поглядывала по сторонам.

— Держи ногу, надо приложить, — велел он.

Горячая подкова зашипела, едва кузнец приложил ее к копыту. Запахло жженым, и вверх поплыл легкий дымок. Я понимал, что лошадь не получит ожога и боли не почувствует, но все равно положил руку на ее бок и легонько погладил. Лошадь фыркнула и зашипала подол моей рубашки.

— Подходит, — кивнул он и опустил подкову в корыто с грязной водой, стоящее у стены кузницы, чтобы остудить.

Выбрав несколько гвоздей из кармана фартука, кузнец принялся прибивать остывшую подкову к копыту. Концы гвоздей он вывел наружу через боковую часть копыта, где аккуратно загнул их, чтобы не вывалились.

— Готово, — придиричиво оглядев свою работу, кивнул он. — С тебя пятьдесят копеек.

— Я сейчас до дома сбегаяю... — начал было я, но тут вспомнил, что супруги впихнули мне какие-то деньги. Порывшись в кармане, вытащил три купюры по рублю.

— Мелочи нет? — кузнец забрал одну купюру и посмотрел через нее на свет.

— Нет.

— Тогда жди, сейчас сдачу принесу.

Пока кузнец искал сдачу, я отвязал лошадь от столба и отпустил пощипать раннюю зелень.

— Вот, держи, — мужчина насыпал мне в ладонь монеты

и, уже намереваясь уйти, вдруг схватился за живот и резко нагнулся.

Его лицо исказилось от боли. Глаза помутнели, уголки губ задрожали, а челюсти так сильно сжались, что на скулах проступили жилы.

— Что с вами? — забеспокоился я, видя мучение человека.

— Ничего, — простонал он и, отдышавшись, выпрямился.
— Бывает. Отпустит.

— Вам помощь нужна. Может позвольте мне...

— Не нужна мне помощь. И не смей никому про это говорить, — процедил он сквозь зубы. — Сам разберусь.

Он развернулся и неспеша двинулся к кузнице. Я проводил его взглядом, затем взял Пепельную за узду и отвел домой.

Пока шел, перед глазами постоянно стояло искаженное от боли лицо кузнеца. Почему он скрывает свою болезнь? Почему не хочет обратиться за помощью к лекарю?

Покопавшись в памяти Степана, я все понял. Несколько лет назад к больному племяннику кузнеца позвали Ерофея, но лекарь не смог помочь, и юноша умер на руках матери и дяди. С тех пор кузнец презирал Ерофея и считал его шарлатаном.

Добравшись до дома, завел Пепельную в стойло и зашел в дом. На моей лежанке, вытянувшись в струнку, лежал какой-то старик, а Ерофей вскрыл ему вену и пускал кровь в

старый таз.

— Лошадь подковал? — не оборачиваясь спросил он.

— Да.

Лекарь кивнул, поднес ко рту старика ложку с желтой жидкостью и принялся поить, шепча заговор, я же, вспомнив про обязанности Степана, взял пустые ведра и пошел за водой.

В нашем дворе колодца не было, поэтому воду носили из общего, того, что стоял у дороги и возле которого часто собирались деревенские, чтобы почесать языками.

Степан старался ходить за водой либо рано утром, либо поздно вечером, чтобы не встречаться с местными. Парни и девушки считали его чокнутым из-за сущностей, которых он видит, поэтому не брали его в свои компании и частенько насмехались. Взрослые люди считали его обузой, нахлебником, который только объедает лекаря, а сам при этом является настолько бестолковым, что ни на что не годится. Но мне все равно на то, кто и что про меня думает, поэтому я пошел к колодцу и встал в очередь. Передо мной были две женщины с коромыслами.

— Правда, что ли, Ерофей в Иркутск хочет податься? — спросила меня пожилая женщина с унылым лицом и единственным торчащим зубом.

— Правда, — кивнул я.

— А ты что ж, здесь останешься?

— Нет, с ним поеду.

— Вот ведь как тебе по жизни повезло. Ты должен ножки целовать своему благодетелю Ерофею, — наставительно сказала она и подняла вверх крючковатый палец. — Ведь если бы не он, тебя бы тоже не было. Как же хорошо, что он кошель свой у твоих родителей забыл и за ним вернулся. Если бы не вернулся, то... — она не стала договаривать, лишь покачала головой.

— Что вы знаете о смерти моих родителей? — уточнил я, ведь Степан все знал только со слов лекаря.

— Что и все: отравились волчьей ягодой. С утра Ерофей к ним за травяными настойками ездил, а вечером, когда вернулся, понял, что кошель с деньгами забыл и поехал обратно. На следующий день тебя привез.

— А кто их похоронил?

— Ерофей и похоронил.

В это время подошла очередь старухи. Она набрала воду в ведра, подхватила их коромыслом и, взвалив на плечи, побрела к своему дому. Мне же показался странным ее рассказ. Если родители Степана занимались травяными настойками, то наверняка знали о свойствах каждого растения и просто не могли съесть ядовитые ягоды. Что-то здесь нечисто.

Я натаскал воду в баню и занес два полных ведра в дом. Старик, что лежал на моей кровати, уже стоял на ногах и отсчитывал монеты Ерофею.

— Вот, держи. Все до копейки. Спасибо тебе. Выручил, — прошамкал старик, кланяясь лекарю.

— Иди с миром, — кивнул лекарь, внимательно пересчитывая монеты.

Старик прошел мимо меня и вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь. Ерофей же прошел в свой угол, достал с верхней полки льняной мешок и высыпал туда монеты. Судя по размеру мешка и его тяжести, денег там было много.

— Ты на что пялишься? — огрызнулся он, заметив, что я за ним наблюдаю. — Смотри у меня, если хоть одна копейка пропадет — шею сверну. Понял?

Я не стал отвечать, но кулаки сами невольно сжались. Кто бы знал, с каким трудом я преодолеваю себя каждый раз, когда лекарь так обращается ко мне. Но ничего, придет время, и он ответит за каждое слово, за каждый удар, за каждый упрек.

— Раз обе клячи подкованы, то завтра утром выедем. Сложи в повозку пару мешков овса для лошадей и проверь упряжь и сбрую, — велел он. — Затем баню растопи.

Я с сожалением посмотрел на котелок, в котором осталась утренняя каша. Хотелось есть, но в очередной раз напомнил себе, что нужно потерпеть и всеми силами изображать Степана. А тот очень часто «забывал» кормить сироту, и парень ложился спать голодным, мечтая об утренней каше.

Взвалив на себя мешок с овсом из сеней, вышел на улицу и двинулся вдоль дома. Заранее приготовленная повозка стояла под навесом. Ерофей нарочно для нее заказал у приезжих торговцев плотную непромокаемую ткань, а плотни-

ку заплатил за то, чтобы тот сделал «скелет», который сам обтянул этой тканью. Внутри располагались две скамьи друг напротив друга, а также большой сундук для вещей и еды.

Оба мешка с овсом я засунул под скамью, где уже лежали скрученные шерстяные одеяла, инструменты для ремонта повозки, спицы для колес и прочее, что может пригодиться в поездке.

Затопив баню, я уже хотел вернуться в дом, но тут вспомнил про ту девушку, у которой сущность сидела на груди. Попробую помочь ей, заодно поднакоплю энергии.

Я дошел до ее дома и постучал в дверь.

— Кто это? — послышался встревоженный женский голос.

— Степан Устинов, — ответил я.

— Зачем пришел?

— Дочь вашу проведать. Дядька отправил, — быстро сообразил я.

Раздался скрипящий звук отодвигаемого засова, и дверь открылась. Женщина выглядела неважно: лицо осунулось, под глазами пролегли темные тени, а белки глаз покрылись красными прожилками.

— Проходи, раз пришел. Только что же на нее смотреть, если помочь не можете? Хуже ей с каждым днем. Ох, чувствую, помрет скоро, — на этих словах она судорожно вздохнула, но удержалась и не заплакала.

Девушка лежала на прежнем месте. Она трудно дыша-

ла и поглаживала кошку, мурчащую на ней. Услышав шаги, она чуть повернула голову и уставилась на меня печальным взглядом.

— Здравствуй, Степа, — чуть улыбнулась она. — Вот, помираю я.

— Не торопись. Еще не время, — мотнул я головой и велел ее матери: — Распахните немного сорочку. Хочу посмотреть на болезнь.

Та не стала возражать, а отцепила две пуговицы и раздвинула ворот белой сорочки с мелкими голубыми цветочками. Я снова увидел сущность, похожую на клубок змей. Она стала сильнее и больше, питаясь жизненной силой девушки.

Ну что ж, попробую нарисовать руну «Исцеления». Надеюсь, сил хватит.

Опустившись на краешек кровати, взял прохладную руку девушки.

— Что это ты задумал? — насторожилась мать.

— Хочу помочь, — ответил я и принялся за работу.

Сначала провел вертикальную черту, которая символизирует жизненную ось или, по-другому, стержень здоровья. Ослепительно белая черта засияла в центре ладони, но этот свет видел лишь я. Затем провел к черте две плавные линии, изгибающиеся вверх, словно ладони, обращенные к солнцу. Они обозначали заботу, восстановление и защиту. Линии остались на коже, но светились гораздо слабее.

«Фух-х-х», — я продолжительно выдохнул, чувствуя, как

из меня утекают силы. Женщины же внимательно следили за моими действиями, не понимая, что происходит. Остался последний знак, который объединит все, и это — круг. Он символизирует целостность и источник жизненной силы.

Вновь потянувшись к ладони девушки, заметил, как дрожит моя рука. Я слишком быстро терял энергию, поэтому тело реагировало. Успокоившись и сосредоточившись, я приложил конец указательного пальца к самой верхушке руны, туда, где расходятся линии-ладони, и нарисовал круг, пристально наблюдая за ним.

Круг был еле-еле виден, но не пропал, а поджег всю руну, которая вспыхнула и пропала. Я не удержался и упал на одно колено, успев выставить перед собой руки.

— Степка, что с тобой? — встревоженная девушка резко села и схватила меня за плечо.

Я повернул к ней голову и, заглянув в вырез сорочки, с облегчением выдохнул: клубка змей больше нет.

— Ты здорова, — осипшим голосом проговорил я.

Девушка прижала руку к груди, прислушалась к себе и расплылась в счастливой улыбке.

— Мама, больше не болит. Не болит!

Мать перестала сдерживаться и, рыдая от радости, бросилась к дочери. Я же заметил, как от девушки отделился светящийся кружок и поплыл ко мне. Пару мгновений, и я почувствовал себя бодрым и отдохнувшим. А вот и заслуженная награда.

Женщины усадили меня за стол и досыта накормили, а потом впихнули в руки целых пять рублей и жарко поблагодарили.

Вернувшись домой, вновь выслушал длинную гневную тираду о том, какой я бездарь и как снова где-то гуляю, вместо того чтобы помогать собираться. Ерофей сложил в несколько деревянных коробок посуду и еду. Запихал в три мешка наши вещи и велел все отнести в повозку. Мне с трудом удалось распахать их под скамьи и в сундук.

В отместку за мои «гулянки» он оставил меня без ужина, но я был сыт, поэтому никак не отреагировал на это. Помывшись в бане, лег спать и на этот раз заснул почти сразу же, проспав до самого утра.

— Вставай, оболтус. Вечно будить тебя приходится, — слышался ворчливый голос, а следом, по обыкновению, удар по лежанке.

Когда растопил печь, Ерофей велел сварить два котелка каши, чтобы взять с собой в дорогу. Затем дал денег и отправил купить хлеба у соседки. Сначала он, конечно, хотел за хлебом отправить к Нюре, но я соврал, будто она сказала, что без денег больше не даст, а у соседки был самый дешевый хлеб.

После завтрака лекарь пошел запрягать лошадей, а мне велел забить досками двери и окна. Когда заколачивал дверь, мне вдруг стало тоскливо. Я будто стал Степаном, который прощался с домом, в котором прожил много лет и который

стал для него родным.

— Долго возишься, — сзади появился Ерофей. — Молоток не забудь. С собой возьмем. В дороге может пригодиться.

Когда все приготовления были сделаны, мы расселись на сиденье в передней части повозки и выехали со двора. Нас никто не провожал, хотя вся деревня знала, что уезжаем. Похоже, к лекарю не так уж хорошо относятся. Что не удивительно, судя по тому, как он себя ведет и сколько денег просит за свои услуги.

— А это еще что такое? — лекарь указал плеткой на кузницу, возле которой толпились местные.

— Не знаю, — пожал я плечами.

— Ну так сбегай и спроси. Может, что-то по дешевке раздает, — с раздражением проговорил он и бросил на меня недовольный взгляд.

Я спрыгнул с сиденья, быстро поднялся на возвышенность и подошел к толпе.

— Что случилось? — спросил я у той самой старухи, с которой разговаривал у колодца.

— Кузнец-то помер, — прошамкала она беззубым ртом и развела руками. — Ночью преставился.

Я сразу вспомнил сущность, что видел в прорези рубахи, и искаженное от боли лицо кузнеца.

— Как он умер?

— Кто ж знает? — старуха поправила выбившуюся из-под платка прядь. — Нашли его по утру на полу возле горна.

Говорят, живот раздут, словно пузырь. Отравился, что ли?

— Нет. Он был болен, — с тяжелым вздохом ответил я и, развернувшись, двинулся к повозке.

Мне стало жаль кузнеца. Крепкий мужчина и хороший мастер умер от неизвестной мне болезни. Интересно, я смог бы его спасти? Думаю, смог бы, если бы он позволил. По крайней мере, уменьшил бы боли.

— Ну чего там? Распродает что-то? — спросил Ерофей.

— Нет, кузнец помер, — ответил я и взобрался на сиденье.

— Помер? — брови лекаря поползли вверх. — Перепил, что ли?

— Болел, — выдохнул я.

— Туда ему и дорога, — Ерофей с довольным видом удалил лошадей по крупу плеткой, и те покатали повозку дальше по дороге. — Этот самодовольный болван никогда мне не нравился.

Мы выехали из деревни и неспешно поехали по проселочной дороге с глубокими колеями от телег и повозок. С одной стороны простирались поля и пашни, а с другой — рощи и перелески.

Ехали молча. Ерофей насвистывал под нос какую-то мелодию, а я, погрузившись в свои мысли, «просматривал» жизнь Степана. Мне многое не нравилось из того, что видел, но я понимал, что парень просто пытался выжить. Бывало так, что он делал гадости деревенским по указке Еро-

фея: бросал дохлых мышей в дворовый колодец, поливал какой-то дрянью огороды, травил собак и тому подобное. Парню это не нравилось, он сильно мучился угрызениями совести, но пойти против единственного кормильца не мог.

После полудня мы проехали по ветхому мосту через ручей и остановились на обед. Костер разжигать не стали, доели утреннюю кашу, запили чистой водой из фляжки и продолжили путь.

— Эх, не успеем добраться до Ольховки, — взглянув на солнце, клонившееся к закату, сказал лекарь. — Придется в лесу заночевать.

К этому времени мы уже достаточно отделились от деревни, поэтому по обе стороны от дороги возвышался густой темный лес.

— Сколько еще ехать? — спросил я.

— Откуда мне знать? — огрызнулся Ерофей. — Это на больших дорогах всякие столбы стоят с указателями, а мы только по своим вехам ездим. Вон, видишь то дерево, — он указал на сухостой, возвышающийся вдали. — От того дерева еще полдня пути.

Степан почти никогда не выезжал из деревни, поэтому его память мне в дороге не помогала.

Когда солнце совсем скрылось за деревьями, стало нестерпимо холодно. Я застегнул тонкую куртку на все пуговицы, накинул на плечи старую фуфайку, прихваченную из стойла, но все равно зуб на зуб не попадал.

— Дядька, давай костер разожжем? — попросил я.

— Рано еще. Остановимся, когда совсем стемнеет, а пока дорогу видно, будем ехать, — ответил он и поплотнее закутался в свой полушубок.

Я бы мог воспользоваться одной согревающей руной, но не хотел тратить энергию, ведь неизвестно, когда вновь удастся пополнить запас.

Проехав еще около часа, мы наконец остановились. В повозке лежали дрова, взятые из дома, поэтому не нужно было искать хворост. Быстро сложив костер, поджег его и опустился рядом на корточки, наблюдая за тем, как огонь разгорается.

— Неси котелок, чаю горячего попьем, — велел Ерофей.

Я вернулся к повозке и увидел, что лошади нервно дергают головами и переминаются с ноги на ногу. Их явно что-то беспокоило.

— Все хорошо. Сейчас вам воды налью и овса насыплю, — я погладил Пепельную по морде, но лошадь не успокаивалась. Она вдруг заржала и поднялась на дыбы.

— Ты чего? — отпрянул я от нее и вдруг понял, что происходит.

Во тьме лесной светились глаза. Десятки пар глаз. Волки...

Глава 5

Лошади, привязанные к дереву, ржали и рвались с упряжи, пытаясь освободиться и поскорее умчаться прочь от жуткого страха, окутывающего их. Светящиеся во тьме глаза. Много глаз. Стая большая, не меньше тридцати особей.

— Дядька, — шепнул я, судорожно соображая, что делать.

— Ну чего там? Дай им плетью, если не успокаиваются, — пробурчал он, ковыряясь палкой в костре.

— Здесь волки, — шепнул я и попятился к повозке, в которой лежали топор и вилы.

— Волки, — лекарь насторожился и, медленно поднявшись на ноги, двинулся ко мне, держа палку перед собой на манер шпаги.

В это время из лесной тьмы раздался глухой протяжный вой, от которого кровь стыла в жилах. Я почувствовал, как сердце забилося в ушах, а ноги похолодели. Волки — опасные хищники, без оружия от них не отбиться. Я знаю бесчисленное множество различных боевых рун, но у меня совсем мало энергии. Ее точно не хватит на то, чтобы справиться со всей стаей, и тогда придется отбиваться вручную.

Лошади еще сильнее забились, дергая головами и лягая копытами. Их животное чутье приказывало убегать и спасаться, иначе они обречены на верную смерть.

— Вилы доставай, — велел Ерофей, стараясь не делать

резких движений.

Однако в это время из лесной чащи, словно тени, один за другим выскочили волки и окружили нас вместе с повозкой. Сверкая глазами, они разинули пасти и угрожающе зарычали. Я видел, что Ерофея парализовало от страха. Он застыл, как изваяние, и даже перестал дышать. Лошади же начали рваться в разные стороны, отчего повозка опасно закачалась.

Руночерть побери этих тварей! Какие же они умные — караулили добычу у дороги и напали во тьме. Та-а-ак, теперь вся надежда на меня. Иначе от нас всех останутся лишь кости.

В два шага я очутился у повозки и выхватил вилы. В это же время вожак — самый крупный из волков с иссиня-черной шерстью и с белоснежными клыками, — бросился на Пепельную, стараясь вцепиться в горло. Остальные же начали сужать круг, приближаясь к нам.

— А-а-а-а! — в панике заорал лекарь, рванул к повозке и забрался внутрь, закрыв за собой полог.

Это его не спасет от волков, но в то же время развязывает мне руки, ведь я бы не хотел, чтобы он знал о моих способностях. По крайней мере, сейчас.

Вскинув руку, я опытным движением начал чертить руну под названием «Лесегон». Она довольно сильная, поэтому есть вероятность, что понапрасну потрачу силы и активировать ее не смогу, но я не подобрал более подходящей руны. Все дело в том, что сила, исходящая от данной руны, накрывает

вала невидимой волной страха и отвращения, которую чувствуют лишь хищные звери, особенно волки и гиены. Звери начинают ощущать жжение в лапах и пасти, тревожатся и не смеют приблизиться к месту активации руны.

Первую вертикальную черту, символизирующую защиту и границу, которую невозможно пересечь, я нарисовал уверенно, и видимый лишь мне знак повис в воздухе, светясь изумрудным огнем. Когда начал пририсовывать к ней острые изгибающиеся линии, напоминающие языки пламени, почувствовал, как силы покидают меня.

— Только не это. Потерпи еще немного, — еле слышно сказал я самому себе, краем глаза заметив, как волк впился зубами в мягкое место между шеей и плечом лошади и трясет головой, раздирая плоть. Пепельная хрипло ржала, срываясь на крик, и рвалась из привязи. Остальные же волки приготовились к атаке и ждали только сигнала предводителя.

Круг, который призван объединить все знаки, получался очень слабым. Настолько слабым, что я сам его едва видел. Я почти соединил линию, когда вожак издал странный рык, отцепившись от лошади, и волки бросились в атаку.

Двое вскочили на край повозки и принялись искать способ забраться внутрь, царапая плотную ткань и вгрызаясь в нее зубами. Несколько волков пошли на меня, щеря острые клыки и не отводя острого безжалостного взгляда. Остальные же решили первым делом заняться лошадьми, которые оказались в ловушке, ведь я крепко привязал их к толстому

стволу березы.

Выставив перед собой вилы, я трясущейся непослушной рукой старался соединить два конца круга, чтобы энергия закружилась по непрерывному знаку, активируя всю руну. Указательный палец сводило судорогой, поэтому линия никак не получалась.

В это время по вилам ударили. Отважился напасть матерый волк с поседевшей некогда черной шкурой. От удара мощной лапой я чуть не выронил инструмент, ведь меня уже пошатывало от усталости. Если я не закончу руну, она не сработает, а сам я не смогу отбиться, ведь еле стою на ногах.

От осознания страшной смерти в пасти хищных тварей внутри застыл страх, и одновременно с ним образовалась пустота. Неужели я снова умру? В прошлой жизни я прожил всего тридцать пять лет, которые посвятил изучению рун, и не успел пожить, радуясь обычным человеческим вещам. Неужели в этом теле мне суждено прожить всего несколько дней? Тогда зачем я здесь? Для чего попал в этот мир?

— Еще чуть-чуть... Осталось совсем немного, — прошептал я и, сжав зубы, усилием воли заставил руку провести последний штрих, на который потратил остатки сил.

В это самое время один из волков резко ринулся в сторону, и я отвлекся на него. Воспользовавшись этим, матерый волк в очередной раз ударил мощной лапой по рукояти и выбил вилы из моих ослабших рук. Вилы отлетели в сторону. Я встретился со светящимися глазами, которые медленно при-

ближались ко мне. Похоже, я обречен...

Вдруг руна, которая почти пропала, вспыхнула ослепительным зеленым светом и пропала, а следом послышался тревожный, отчаянный вой, и волки отпрянули. Хищники, находясь под влиянием «Лесегона», пятились обратно в лес и выли, выли, выли. От этого душераздирающего воя заболели уши и сжалось сердце.

Вожак продержался дольше всех, прижимаясь к земле и не желая отступать, но тут Пепельная поднявшись на дыбы, ударила хищника по голове. Тот, скуля от боли, рванул прочь и скрылся в лесу, как и вся его стая.

Обессиленный, я прислонился к повозке, сполз на землю и улыбнулся: защита сработала, пусть и ценой последних сил. Веки сами собой закрылись, и я провалился в небытие.

Я находился в крошечной тьме, но откуда-то издали слышались звуки. Попытался сосредоточиться, но даже на это не было сил.

— Эй, ты чего? Помер, что ли? — раздалось над самым ухом, и я все вспомнил.

Лес, волки, руна...

С трудом открыл глаза и сквозь мутное марево, плавающее перед глазами, уставился на того, кто был передо мной — Ерофей.

— А-а, очнулся, — с облегчением выдохнул он. — Гляжу,

ран нет, а лежишь. Вставай! Клячу сильно покусали, надо обработать и зашить, пока кровью не истекла. Поможешь.

Он двинулся к лошади, сжимая в руках один из своих бутыльков. Я подогнул под себя ноги и, ухватившись за «скелет» повозки, поднялся на ноги. Во всем теле была такая слабость, что хотелось одного — лечь и не шевелиться.

— Как же ты волков распугал? — Ерофей мельком взглянул на меня и принялся поливать раны на шее Пепельной.

— Я не пугал, — слабым голосом ответил я и пожал плечами. — Сами убежали.

— Как это — сами убежали? — он повернулся ко мне и с подозрением прищурился. — Когда это они сами убегали?

Я вновь пожал плечами. У меня не было заготовленного ответа на его вопрос, а сейчас совсем не думалось.

В это время лошадь зафыркала и принялась мотать головой, видимо, лекарство Ерофея щипало оставленные жожаком раны.

Я подошел к ней, приложил руку к ее боку и принялся гладить. Это был единственный способ хоть как-то успокоить Пепельную, ведь даже на самую слабую руну у меня нет сил. Лошадь будто поняла, чего я добиваюсь, и замерла, позволив лекарю закончить начатое.

Ерофей зашил несколько ран, обмазал их желтым раствором и прошептал заговор. Вторая лошадь тоже была ранена, но пострадала лишь задняя нога, за которую ухватился зубами волк, прежде чем рвануть обратно в лес, подгоняемый

моей руной.

— Все равно не понимаю, почему они от нас отстали? — почесал затылок Ерофей и снова бросил на меня подозрительный взгляд. — Говори, оболтус, что ты сделал?

— Вилами грозил, — равнодушно ответил я и кивнул на хозяйственный инструмент, покрытый ржавыми пятнами и до сих пор валяющийся на земле.

— Вил, что ли, испугались? — Ерофей поджал губы и нахмурил брови, пытаясь разобраться в случившемся. — А ведь ко мне в повозку уже почти забрались. Глянь, какую дыру прогрызли.

Он указал на клочок ткани, отодранный от деревянной перекладины. Был гораздо более легкий способ забраться в повозку — отодвинуть спущенный полог, но волки не успели додуматься, ведь все произошло очень быстро.

— Ты ж еле на ногах стоишь, — Ерофей заметил, как я покачнулся, и ухватился за Пепельную, чтобы не упасть. — Хорошо хоть не помер от страха. Кто бы тогда мне помогал?

Я пожал плечами. Мне было все равно на этого крикливого злобного мужика. Я спасал себя и лошадей.

— Ладно. Иди, поспи немного. До рассвета пара часов — сам покараулю, а то толку от тебя завтра не будет, — он подтолкнул меня к повозке.

С трудом взобравшись внутрь, растянулся на скамейке и, накрывшись шерстяным одеялом, сразу же заснул.

Мне показалось, что прошло не больше минуты, как по-

чувствовал толчок в бок и ворчливый голос Ерофея:

— Рассвело. Вставай. Надо ехать. В Ольховке отдохнем.

Я нехотя вылез из-под одеяла и поежился. Теплого весеннего солнца еще не было, поэтому до костей пробирал мороз. Даже земля подмерзла, и морды лошадей покрывал иней.

Сначала хотел разжечь потухший костер и согреть воду, но Ерофей запретил, поэтому пришлось пить студеною воду из фляги.

— В Ольховке поедим и попьем горячего. Там постоянный двор имеется. Отрежь нам по краюшке хлеба, и хватит.

Хлеб тоже был холодный, но выбирать не приходилось, тем более в животе урчало и сосало под ложечкой.

Как только мы пустились в дальнейший путь, я прочертил первый знак своего имени и разочарованно выдохнул: черточка еле-еле видна. Энергии снова почти нет. В такие моменты я чувствую себя беспомощным. Мне во что бы то ни стало нужно наладить постоянный поток энергии. На данный момент единственная возможность восполнить потерю — это вылечить кого-нибудь.

Я взглянул на Пепельную, которая, понутив голову, тащила с Гнедой нашу повозку. Вожак стаи успел покусать ее и расцарапать когтями. И хотя лекарь остановил кровь с помощью заговора, раны наверняка причиняли боль.

Ерофей прикорнул, привалившись спиной к доскам, поэтому я наклонился вперед и прочертил на крупе лошади руна «Чистоты» — только на нее хватило энергии. Руна вспых-

нула и пропала, но светящийся шар, которому я дал название люминар, не появился. Хм, значит, раны еще не зажили.

Дорога бежала вперед, петляя между холмами и оврагами. Иногда спускалась к реке и вела вдоль русла. Когда впереди показались поля, я понял, что Ольховка уже близко.

— Вот здесь нужно быть осторожными, — предупредил Ерофей, когда проснулся, подпрыгнув на очередном ухабе.

Впереди через небольшую речушку был перекинут покосившийся мост, кое-как сколоченный из бревен.

— Каждую весну этот мост уплывает. И каждый раз его притаскивают обратно, — пояснил лекарь, озабоченно вглядываясь вдаль.

Когда мы приблизились, я понял причину беспокойства. Мост был узкий и выглядел ненадежно: между потемневшими от времени бревнами зияли темные щели, края моста кое-как небрежно подпирали камни и сучья. Внизу, в двух метрах под мостом, бежала бурливая весенняя речушка.

Я остановил лошадей, слез со скамьи и приблизился к мосту. М-да, в щели может провалиться колесо повозки, и тогда мы здесь застрянем. Нужно что-то придумать.

— Веди лошадей. Пройдем, надеюсь, — с сомнением в голосе произнес Ерофей.

— Нет. Это опасно. Можем застрять, — мотнул я головой.

— Много ты понимаешь, — огрызнулся лекарь. — Веди, кому говорю! Не поворачивать же взад.

Проигнорировав его, я прошел в повозку, вытащил из-под

скамьи топор и двинулся к ближайшему леску.

— Ты что делать собираешься?

— Подлатаю.

— Нет у нас на это времени! Делай, как велю, а то по горбу плетью получишь! — пригрозил он мне вслед, но я лишь отмахнулся.

Подобрав подходящую березку, срубил ее и, отмерив нужную длину, разделал на куски. Этого хватит, чтобы забить щели и проехать по мосту.

Когда вернулся, увидел, что повозка стоит на месте, а Ерофей сидит на облучке, подставив лицо солнцу.

— Долго же тебя носило, бездарь, — буркнул он. — Зря только время тратишь. Проехали бы и уже до Ольховки добрались.

— А если бы колесо застряло? Мы бы его не смогли достать, — попытался объяснить я, но Ерофей лишь сильнее распалился.

— Совсем ополоумел — отвечать мне вздумал? Как огрею по горбу, будешь знать! — он спрыгнул с повозки и замахнулся, чтобы ударить меня плетью, но я вместо того, чтобы съежиться и закрыть голову руками, как делал Степан, перехватил плетъ и вырвал ее из рук лекаря. Ерофей отпрянул, ошарашенно глядя на меня. Взмахнув плетью, я звонко ударил по земле и двинулся на настороженного лекаря. Он явно не ожидал такого поворота.

— Слушай сюда, — грозно сказал я и смело посмотрел

ему в глаза. — Если ты еще хоть раз ударишь меня или назовешь дурным словом, то сильно пожалеешь об этом. Понял? — Ах ты, гад! Угрожать мне вздумал...

Лекарь поднял руку, намереваясь ударить меня по щеке, но я увернулся, схватил его за горло и с силой сжал.

Лицо Ерофея стало пунцовым, а глаза налились кровью. Он бы с легкостью освободился из моего захвата, ведь я был намного слабее его, но все произошло так неожиданно, что он просто удивленно смотрел на меня и ничего не предпринимал.

— Ты понял меня?

Я был выше лекаря, поэтому нависал над ним, буравя взглядом. Со стороны, возможно, это выглядело комично: взрослый крепкий мужчина и тонкий, как трость, юноша, который вцепился в него мертвой хваткой и пытается доказать, что сильнее.

Однако это подействовало.

— Понял, — хрипло ответил он, грубо оттолкнул меня и отошел в сторону, тяжело дыша и бормоча что-то под нос.

Не знаю, что будет дальше, но я был доволен собой. Наконец-то смог, хоть и не в полной мере, осуществить то, о чем мечтал с тех пор, как попал в это тело.

Я подошел к мосту и начал подбирать куски березы к каждой дыре. Некоторые пришлось подогнать топором, но в целом я был доволен тем, что получилось. Для проверки, насколько устойчив мост, даже попрыгал на нем. Однако

мост, хоть и выглядел ненадежным, все же оказался довольно прочным.

— Чего ты там возишься, оболт... — начал было Ерофей, но прервал себя и закашлялся.

Я замечал, с какой ненавистью и отвращением лекарь смотрит на меня, поэтому ожидал любой подлянки. Но он бы не взял меня с собой, если бы не нуждался в помощи, поэтому пока можно было не беспокоиться, что Ерофей попытается задушить меня ночью или подложит отраву в еду. Но все же надо быть начеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.